

**Александр Иванович Молок**

**ОЧЕРКИ БЫТА и КУЛЬТУРЫ**  
**ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 года**

Ленинград. 1924

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) И [Век Просвещения](#)

*ПОСВЯЩАЕТСЯ С. К.*

Первый из предлагаемых очерков представляет переработку соответствующей главы моей брошюры «Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 года» (Гос. изд. 1922) на основе нового документального материала, извлеченного преимущественно из периодической печати эпохи. Второй и третий появляются в печати впервые.

Автор  
Ленинград. Январь 1924

### **БОРЬБА ЗА СВЕТСКУЮ ШКОЛУ**

23 апреля 1871 г. член Коммуны Ж.-Б.Клеман, поэт рабочих предместий, подводя итоги тому, что сделала Коммуна за три недели своего существования, писал в газете «Le Cri du Peuple»: «...нам мало дела до того, исполняются декреты Коммуны или нет. Пусть нас убьют, если угодно, пусть изорвут наши афиши и замажут известью стены, — принципы, которые в них (декретах) возведены, останутся. Что бы там ни говорили и ни делали, но это памятники, которых версальцам не уничтожить ни пером, ни картечью».

Слова поэта сбылись. Если физически версальцы и уничтожили дело Коммуны, то стереть его со страниц истории и изгладить из памяти революционного пролетариата наших дней, наследовавшего традиции коммунаров, им не удалось. Отмена рекрутского набора и замена постоянной армии гражданской милицией, уничтожение высоких окладов чиновникам, отделение церкви от государства, — вот те великие реформы первых дней Коммуны, о которых говорит здесь Клеман. Но его слова с полным правом можно применить и к тому, о чем он не упоминает — к начатому Коммуной освобождению школы из-под ферулы клерикализма, к ее борьбе за новую, светскую школу.

О ходе этой борьбы, об условиях, в которых она протекала, об отдельных фактах и эпизодах, ее ознаменовавших, а также о тех организационных формах, в которые отливалась в сознании руководителей первого рабочего правительства, в революционной прессе и общественном мнении пролетарского Парижа мысль о новой школе, — мы и будем говорить в настоящем очерке.

В эпоху второй империи, которая, по словам католического писателя Луи Вейо, «была для католиков истинным даром провидения», влияние церкви на народное образование росло безостановочно. Об этом красноречиво свидетельствует рост церковных (конгрегационных) школ. В 1850 г. во Франции насчитывалось 50267 светских и 10412 церковных школ (начальных), а в 1863 г. — 51555 светских и 17206 церковных. В тот же период времени светские школы приобрели 376080 учеников, а церковные—588000. Таковы были плоды пресловутого закона Фаллу о «свободе образования», изданного в 1850 г., под напором реакции, последовавшей за поражением пролетариата в 1848 г. Светская школа чахла, а церковная росла и крепла, пользуясь благожелательной политикой правительства: «ужасные мелкие риторы» и эмиссары революции, т.е. народные учителя с республиканскими или социалистическими тенденциями, были выдворены вон из деревень и крупных промышленных центров. Торжество церкви обеспечивало верноподданничество народа и его покорность».<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> А.Тома. «История Второй Империи». С.П.Б. 1908. Стр.67—68.

Республиканская буржуазия, которая под именем Правительства Национальной Обороны стала у власти после крушения империи, продолжала политику «свободы образования» и все требования реформы отводила ссылкой на свой «временный» характер, не позволяющий ей узурпировать права будущего учредительного собрания, которое соберется после заключения мира. Когда же мэр XI округа радикал Жюль Моттю, опираясь на поддержку местного рабочего населения (XI округ составлен из Сент-Антуанского предместья), начал поход против «Братства христианской школы», стал выгонять из учебных заведений монахов и монахинь и удалять из школьных помещений распятия и иконы, — правительство воспротивилось этому и, несмотря на ропот Сент-Антуанского предместья, сместило популярного мэра. Так же были пресечены и другие попытки этого рода.<sup>2</sup>

Между тем движение в пользу реформы образования имело массу сторонников, как среди рабочего класса, так и среди мелкой буржуазии Парижа. Если, с одной стороны, на конгрессах Интернационала неизменно принимаются резолюции о введении «бесплатного, обязательного, светского и всестороннего образования» (*instruction gratuite, obligatoire, laique et integrale*)<sup>3</sup>, то это требование разделяется и средним классом, «вольтерьянство которого (по выражению Маркса)<sup>4</sup> оскорбляла империя, поручая воспитание его детей невежественным патерам». Становясь на путь реформы, Коммуна могла, таким образом, смело рассчитывать на симпатии и поддержку широчайших слоев парижского населения.

Обращаясь к документам эпохи, исходящим как от чисто пролетарских организаций, так и от организаций со смешанным социальным составом, мы находим требование «бесплатного, светского и всестороннего образования» и в манифесте Федерального Совета парижских секций Интернационала и Федеральной Камеры рабочих объединений от 23 марта «к трудящимся», и в манифесте центрального Комитета двадцати округов, подписанном, между прочим, будущими членами Коммуны Жюлем Валлэсом и Лефрансэ<sup>5</sup>, и в наказе избирателей XIV округа своим представителям в Коммуне (от 26 марта), и в манифесте Федерации Департаментских Союзов (*Federation des Associations Departementales*), подписанном, в числе прочих, и будущим автором «Интернационала», Эженом Поттье.<sup>6</sup>

За необходимость реформы образования высказываются и руководящие газеты революции. «Pere Duchene» еще 22 марта со свойственной ему резкостью восклицал: «Чорт возьми! Когда я вхожу в школу и вижу наших бедных ребятишек в руках этих черных воронов (монахов, А.М.), которые внушают им, что белое есть черное, и что Капет (Людовик XVI, А.М.) — мученик, когда я слышу все это — гром и молния! — кровь бросается мне в голову, и я стараюсь ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не сплю!»<sup>7</sup>

В день торжественного провозглашения Коммуны он писал: «Она (Коммуна) займется реорганизацией народного образования, которое Пер-Дюшен считает делом первостепенной важности, ибо как же иначе привить юным санкюлотам привычку к труду, уважение к равенству и преданность революции!»

В то же самое время, на страницах главного органа прудонистов «La Commune», будущий секретарь Комитета Общественного Спасения Анри Бриссак говорил, что Париж введет «общее и профессиональное образование, светское и обязательное для всех».

---

<sup>2</sup> E.Arago. «L'Hotel de Ville de Paris au 4 septembre et pendant le siege». Paris (s.a.), p.54—59 и 157—178.

<sup>3</sup> Ю.Стеклов. «Первый Интернационал». Изд. 3-е. Москва 1923. Стр.100, 121, 147.

<sup>4</sup> К.Маркс. «Гражданская война во Франции в 1870—71 гг.». (Пер. под ред. Н.Ленина. Москва 1919). Стр.54.

<sup>5</sup> «Journal officiel de la Commune», 27 марта 1871 г. «Le Cri du Peuple», 27 марта 1871 г.

<sup>6</sup> Dauban. «Le fond de la societe sous la Commune». Paris 1873 г., p.60. Les Murailles Politiques Francaises. II, 212.

<sup>7</sup> «Le Pere Duchene», 2 germinal an 79 (22 марта 1871 г.).

Газета Феликса Пиа «Le Vengeur», эта главная цитадель неоякобинизма, устами Анри Белланже, в большой статье, озаглавленной: «Профессиональное и общее образование», тоже приглашала Коммуну, решительно и не медля, стать на путь реформы: «Образование должно быть профессиональным и всесторонним. Нужно, чтобы молодое поколение..., по мере своего развития и роста, получало надежный компас на том пути, который лежит перед ним, и компас этот — труд. Нужно, чтобы дети к 1880 г., когда они станут взрослыми людьми (les hommes de 1880), умели, с одной стороны, работать (produire), а с другой — свободно говорить и писать. Пусть ребенок с малолетства посещает и школу, и мастерскую, — тогда он будет в состоянии с ранних лет зарабатывать себе кусок хлеба, и в то же время разовьет свои умственные способности... Нужно, чтобы каждый рабочий, занимающийся физическим трудом, мог написать книгу, написать ее с чувством и талантом, не отрекаясь в то же время от станка. Пусть ремесленник находит отдых от своего повседневного труда в занятиях искусством, литературой, наукой, не переставая от этого участвовать в производстве. Когда мы достигнем этого, когда каждый потребитель научится производительному труду и займется общественно-полезным производством, социальная проблема окажется близкой к разрешению».<sup>8</sup>

Из этой статьи мы впервые узнаем некоторые подробности о характере той программы, которая должна была лечь в основу новой школы. Она вскрывает содержание понятия интегрального или всестороннего образования, которое оказывается сочетанием двух элементов, умственного образования и профессионально-технической выучки, школы и мастерской.

Еще дальше идет «вдова Маньер, учительница и директриса временной школы-мастерской в доме № 38 по улице Тюренна», которая в первых числах апреля представила в Коммуну «проект школы-мастерской для женщин», появившийся затем (по ее просьбе) в газетах.<sup>9</sup> Здесь речь идет не о сочетании умственного образования с профессионально-техническим, но о полном слиянии школы и мастерской в новый тип школы-мастерской (atelier-ecole): «Школа-мастерская организуется для повторения и пополнения научного образования девушек, с присоединением к нему серьезного профессионального обучения.

Для достижения этой цели, создаются, на основе выборов, группы работниц, а также группы учительниц или просто женщин с достаточным образованием, более способных к умственному труду, чем к физическому. Эти последние будут подвергнуты предварительному испытанию в особой комиссии из компетентных лиц.

Совокупность этих групп образует учебный персонал школы-мастерской.

Обмен знаниями, который, при совместной работе, окажется неизбежным между обеими категориями преподавателей, создаст атмосферу, весьма благоприятную для преподавания, отвечающего требованиям прогресса и совершенно свободного от предвзятых рассуждений.

В школу-мастерскую будут приниматься девочки не моложе 12-ти лет. Практическая работа будет чередоваться у них с изучением теоретических наук и промышленного искусства.

Государство или муниципалитеты, в меру своих средств, будут помогать школам - мастерским, назначать и гарантировать плату за наем помещения, оплачивать преподавателей, а также приобретать изделия мастерских. Ученицы, коль скоро они приобретут необходимые для производства навыки, смогут рассчитывать и на некоторое вознаграждение.

Школа-мастерская с успехом заменит Дом призрения трудящихся женщин (l'Ouvroir), руководимый в настоящее время монахинями. Это будет настоящая профессиональная школа, доступная для всех».

Ниже мы увидим, что успела сделать Коммуна для насаждения подобного рода школ.

---

<sup>8</sup> «Le Vengeur», 8 апреля 1871.

<sup>9</sup> «Le Vengeur», 3 апреля 1871. «La Revolution politique et sociate», 16 апреля 1871. (Association internationale des Travailleurs. Sections de la gare d'Ivry et de Bercy reunies).

Другой проект реформы образования исходил от общества «Новое Воспитание». 26 марта на общем собрании его в школе Тюрго была избрана делегация из 6 лиц (в том числе несколько женщин), которая 1 апреля явилась в ратушу и вручила членам Коммуны обширную петицию, проникнутую духом решительного антиклерикализма.

Петиция начиналась с указания на то, что «при республиканском строе настоятельно необходимо давать молодому поколению республиканское воспитание, приучать его к самостоятельности и самоуправлению», что «проблема воспитания, будучи неразрывно связана с другими общественными проблемами, является основной, так как обнимает и подчиняет себе все политические и социальные проблемы», и что «без разрешения ее вопросов никакие серьезные и долговечные реформы невозможны».

Исходя из этих соображений, а также из того принципа, что «образовательные и воспитательные заведения, содержимые Коммуной, департаментом или государством, должны быть доступны для детей всех членов коллектива (*collectivite*), независимо от того, каковы верования каждого из них», общество требовало от Коммуны «во имя свободы совести, во имя справедливости»:

1) Чтобы религиозное образование было предоставлено инициативе и свободному усмотрению семьи; предметы культа и религиозные изображения немедленно удалены из школьных помещений; преподавание молитв и догматов раз навсегда прекращено в школах.

2) Чтобы преподавание было рационалистическим и всесторонним, с применением «экспериментального или научного метода того, который исходит всегда из изучения фактов, каковы бы они ни были: физические, моральные, интеллектуальные».

3) Чтобы школа была бесплатной, доступной для детей обоего пола, обязательной в смысле права каждого ребенка («каково бы ни было его социальное положение») на образование и долга родителей, опекунов или общества позаботиться о нем.

Таковы, вкратце, основные положения этой программы, требовавшей, в заключение, чтобы образование было признано общественным делом первостепенной важности, так как оно готовит будущих работников, граждан и людей.

«Делегатам (общества «Новое Воспитание», А.М.) ответили, что Коммуна вполне разделяет убеждение в необходимости радикальной реформы образования в указанном ими направлении, что она прекрасно понимает важность этой реформы, и что сделанный ими шаг она рассматривает, как лишний стимул к тому, чтобы стать на путь, на который она и без того собиралась вступить».<sup>10</sup>

Как видим, недостатка в голосах, звавших Коммуну к реформе школы, не было.

29 марта сконструировалась комиссия народного просвещения Коямуны (*commission de l'enseignement*), в которую вошли Жюль Валлэс, главный редактор «Крика Народа» рабочий Демэ, аптекарь Мио, народные учителя Вердюр и Урбэн, врачи Гупиль и Робинэ, адвокат Э.Лефевр и профессор Альбер Леруа.<sup>11</sup> Инструкция, выработанная в том же заседании, гласила: «Комиссия просвещения займется реформой образования. Она должна будет разработать проект декрета о введении обязательного, бесплатного и исключительно светского образования, а также озаботиться увеличением числа стипендий в лицеях».<sup>12</sup>

Не дожидаясь, когда будет издан этот декрет, окружные муниципалитеты, руководимые членами Коммуны, сами приступили к работе. При отсутствии активного руководящего центра, в разных округах работа велась с разной степенью энергии и давала разные результаты.

<sup>10</sup> «Journal officiel», 2 апреля 1871.

<sup>11</sup> Состав комиссии просвещения менялся несколько раз. С 21 апреля и до конца Коммуны она состояла из Г.Курбэ, Вердюра, Мио, Ж.Валлэса и Ж.-Б.Клемана.

<sup>12</sup> Lanjalley et Corriez. «Histoire de la revolution du 18 mars». Paris 1871, p.160.



Так, Эли Реклю, брат знаменитого географа, отмечает в своем дневнике 6 мая, что «в некоторых округах Парижа монахини-учительницы давно удалены из школ..., в то время как в других они все еще держатся с большой ловкостью и упорством».<sup>13</sup>

Реформа прививалась туго, встречая ожесточенное сопротивление со стороны католического духовенства, привыкшего во время империи смотреть на преподавание почти как на свою монополию. Но даже и враждебный Коммуне журналист Филибер Одебран вынужден признать, что, «совершая все эти насилия (удаление из школ религиозных эмблем и изгнание учителей-монахов), они (члены Коммуны) рассчитывали и, действительно, не ошиблись в своих расчетах на моральное соучастие почти всей столицы».<sup>14</sup>

Набожный католик д'Арзак возмущается поведением светских учителей: «Первым делом их всюду было вынести все религиозные эмблемы из школ. В школе на улице Сен-Жак одна учительница начала свою работу в классе таким обращением к детям: «Дети мои, бога нет, молитвы не нужны, споете марсельезу». И в течение получаса эта женщина пела с детьми марсельезу, там, где еще вчера шло религиозное обучение. 27 апреля д'Арзак заносит в свой дневник: «Завтра сорок монахинь должны очистить детский приют «Провидение», в улице Рейи, в Сент-Антуанском предместьи. На этот раз они не будут застигнуты врасплох. Коммуна заранее предупредила их. Итак, маленькие сиротки из улицы Рейи будут воспитываться женщинами, которые не верят в бога!»<sup>15</sup>

Монахи и монахини всячески возбуждали своих воспитанников против Коммуны, и появление светских учителей вызывало иногда крупные беспорядки в школах: «Учитель, который явился заменить монахов в школу на улице Сен-Жак, был освистан учениками, — читаем мы у д'Арзака (27 апреля) — поднялся такой шум, что он вынужден был обратиться к национальным гвардейцам, чтобы водворить некоторый порядок в классе». Когда 5 мая из школы братства на улице Флерюс (в VI округе) были изгнаны содержавшие ее монахи, дети взбунтовались против новых, светских учителей. «Возмущенные, они вышли из класса и направились домой, унося свои книжки и тетрадки. Размахивая линейками, они шли по улице и громко кричали: «Долой санкюлотов! Долой Коммуну!» Тот же д'Арзак, со слов газеты «Patrie», рассказывает про бунт маленьких учениц в школе братства св.Викентия, устроивших новым наставницам такую встречу, что пришлось прервать занятия. На другой день «матери, которые стоят за светское образование, привели детей назад в школу, объявив им свое твердое решение заставить их учиться». Когда удалось, наконец, восстановить порядок, из 350 учениц налицо оказалось только 60.<sup>16</sup>

Реакционные газеты с жадностью ловят слухи о подобных происшествиях и заполняют ими свои столбцы. Мэрия V округа вынуждена заниматься официальным опровержением слухов, распространяемых газетами «L'Univers» и «La Patrie», о беспорядках, имевших будто бы место в коммунальных школах округа: «... Редакторы этих газет либо сознательные обманщики, либо сами введены были в заблуждение. Если верно последнее, мы просим их придти завтра, к 8 1/2 часам утра, в мэрию Пантеона. Оттуда мы отправимся с ними, если они этого захотят, в школы, организованные стараниями муниципалитета, и дадим им возможность лично удостовериться в том, что эти школы посещаются большим количеством детей, которые и не думают встречать своих преподавателей шиканьем».<sup>17</sup>

Директор коллежа Роллен, письмом в редакцию «Le Temps», опровергает инсинуации версальской газеты «Le Soir» и категорически заявляет, что коллеж не был подвергнут никакому насилию, ни даже угрозе. «85 учеников, а не 18, как ошибочно было указано, продолжают, среди сравнительного спокойствия, свои нормальные занятия».<sup>18</sup>

<sup>13</sup> Reclus. «La Commune de Paris. Ail jour le jour.». Paris 1908; p.246.

<sup>14</sup> Ph.Audebrand.«Histoire intime de la revolution du 8 mars». Paris 1871; p.213.

<sup>15</sup> I. d'Arsac. «La guerre civile et la Commune de Paris». Paris 1871; p.473, 474.

<sup>16</sup> Op.c., p.472, 543, 465—466.

<sup>17</sup> «Journal officiel», 30 апреля 1871.

<sup>18</sup> «Le Temps», 6 апреля 1871.

Крупные беспорядки произошли в школе Тюрго, одной из лучших средних школ Парижа. Назначенные Коммуной преподаватели были встречены яростными криками протеста и требованиями вернуть прежних наставников. Пришлось прервать занятия.<sup>19</sup>

Это происходило в субботу 13 мая, а уже на другой день 14 учеников прислали в газету «Le Rappel» открытое письмо, за полными подписями, в котором отреклись от всякой солидарности с бунтовавшими накануне товарищами. Письмо это представляет такой интерес для быта эпохи, что мы позволим себе привести его целиком:

«Гражданин редактор! С глубоким прискорбием мы вынуждены заявить протест против некоторых действий, имевших место в школе Тюрго, учениками которой мы состоим. Вследствие смены директора, преподаватели оставили свой пост, что и вызвало беспорядки. Ученики третьего года удалились в свой класс и там, соблюдая тишину, ждали прибытия нового администратора. Гражданин Дакоста, делегат по высшему образованию, в нескольких теплых словах выразил им свою благодарность за их поведение, мы отказываемся от всякой солидарности с теми из наших товарищей, которые своим поведением навлекли на школу порицание: пусть они одни несут всю тяжесть последствий. Равным образом, мы протестуем против тех из наших преподавателей, которые оставили нас, рискуя прервать наши занятия, и удивляемся тому, что люди, которые подчинялись директору, поставленному империей, не хотят признавать директора, назначенного Коммуной. Привет и братство!

Ученики третьего года: (следуют подписи).»<sup>20</sup>

Этот голос юных буржуа показывает, что в своей реформаторской деятельности в области просвещения Коммуна могла найти сочувствующих и среди непролетарских элементов Парижа.

Впрочем, школы второй ступени (лицеи, коллежи), в большинстве своем, остались вне влияния Коммуны. «Среднее образование не подверглось прямому вмешательству Коммуны, — пишет преподаватель философии в лицее Карла Великого и член Национального Собрания Эмиль Боссир, — его работники продолжали исполнять свои обязанности, не получая иных распоряжений, кроме как исходящих от их законного начальства», т.е. из Версаля.<sup>21</sup>

«Правду говоря, делегат Коммуны по народному просвещению совсем и не вспомнил о нашем существовании, — писал впоследствии один из бывших воспитанников лицея св. Людовика, — ничто не изменилось во внутренней жизни лицея. По-прежнему, утром и вечером читалась молитва по классам, и каждое воскресенье мы слушали обедню в капелле. Только духовники лицея, аббаты Сулье и Дома, к великому нашему изумлению, разгуливали теперь в статском платье, в котелке и отпустили себе бороды. В таком наряде они выглядели, признаться, довольно странно...»<sup>22</sup>

Множество монахов и монахинь, а также светских учителей, повинясь приказам из Версаля, побросали свои школы и последовали за бежавшим правительством. Коммуна прилагает все старания к тому, чтобы возобновить занятия в закрывшихся школах и пополнить недостающий преподавательский персонал. 9 апреля «Правительственный Вестник» публикует следующее объявление: «Парижская Коммуна приглашает граждан и гражданок, желающих получить место в начальных школах города Парижа, подавать заявления с приложением соответствующих документов в комиссию просвещения, в здании ратуши». <sup>23</sup> 16 апреля: «Заявления о предоставлении мест в коммунальных школах и приютах продолжают приниматься в секретариате комиссии». <sup>24</sup>

В целях учета преподавательских сил, во все начальные школы и приюты Парижа, а также директорам школ Шапталя, Тюрго, Кольбера и других средних учебных заведений была разослана анкета, содержащая следующие обязательные пункты: имя и фамилия, возраст, время и место рождения, гражданское состояние, образовательный ценз, стаж, время поступления в школу, адрес, получаемый оклад, количество учеников, нужды

<sup>19</sup> «L' Union Francaise», 14 мая 1871. Они возобновились 15 мая («*journal.off.*», 16 мая 1871).

<sup>20</sup> «Le Rippel», 18 мая 1871.

<sup>21</sup> Beaussire. «La guerre etrangere et la Serfs civile en 1870 et en 1871». Pans 1871; p.21.

<sup>22</sup> P.Ginisty. «Paris intime en revolijion (1871)». Paris 1904; p.27.

<sup>23</sup> «Journal officiel», 9 апреля 1871.

<sup>24</sup> «Journal officiel», 16 апреля 1871.

нужды школы и проекты реформ, дополнительные сведения.<sup>25</sup>

«Братья и сестры христианских школ (конгрегация, державшая в своих руках большинство начальных школ Парижа, А.М.) покинули свой пост», — заявляла мэрия XII округа, — «мы обращаемся ко всем светским учителям с призывом записываться в мэрии округа (бюро генерального секретариата). Мы надеемся, что образовавшаяся брешь будет скоро заполнена, так как каждый согласится, что еще никогда не представлялось нам более прекрасного случая окончательно установить светское, бесплатное и обязательное обучение. Невежество и несправедливость отныне уступают место свету и справедливости! Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!»<sup>26</sup>

С 20 апреля во главе делегации просвещения становится один из образованнейших членов Коммуны бланкист Вальян (Edouard Vaillant), врач и гражданский инженер. Чтобы придать работе больше твердости и ускорить ее темп, уже 22 апреля он обратился к окружным муниципалитетам с циркуляром, в котором заявлял о своем намерении создать строго централизованное ведомство и предлагал прислать в центр подробный доклад (un rapport detaille) о положении народного образования на местах. Одновременно все лица, изучавшие вопросы общего и профессионального образования, приглашались присылать в делегацию Коммуны по народному просвещению свои проекты школьной реформы.<sup>27</sup>

28 апреля, в целях скорейшей организации начального и профессионального образования по одному для всех округов типу и скорейшего перехода от религиозного обучения к светскому, декретом Вальяна при министерстве народного просвещения была создана особая комиссия из специалистов, под названием «комиссии по организации обучения» (commission d'organisation de l'enseignement), в составе граждан Е.Андрэ, Е.Дакоста, Санглие, Манье и Рама (два последних — из общества «Новое Воспитание»)<sup>28</sup>

Следующая заметка рисует положение дела к концу апреля: «Педагогический персонал начальных школ и приютов Парижа, никогда не достигавший нормы, в настоящее время увеличивается. Лица, которые подали прошения о зачислении в штат этих учреждений, но еще не получили назначения, приглашаются еще раз в ратушу. Те же, которые ищут места, но еще не подали заявления, должны будут подать его в секретариат комиссии просвещения, помещающийся в ратуше».<sup>29</sup>

В распоряжении делегации не было не только необходимых преподавательских сил: не было ни готовых программ, ни разработанных методов преподавания, соответствующих новому духу школы. «Предстояло возводить заново все здание начального образования, — задача тем более трудная, что в этой области Коммуна получила не буржуазное, а чисто клерикальное наследство, ни один камень из которого, в сущности, не годился для нового социалистического строительства».<sup>30</sup>

Между тем интерес к реформе всколыхнул как педагогические круги, так и широкие слои парижского населения, далекие до сих пор от вопросов образования. В школе Тюрго дважды в неделю происходили собрания преподавателей и родителей, которые занимались изучением вопросов народного образования и выработкой программ и методов для реформируемой начальной школы. Инициатором этих собраний было общество «Новое Воспитание».<sup>31</sup>

23 апреля женский комитет общества «Социальная Коммуна Парижа» (la Commune sociale de Paris) приглашал своих членов, равно как и членов общества «Новое Воспитание», на собрание в мэрию VIII округа для заслушания доклада: социальная профилактика и воспитание (Prevoyance sociale et education).<sup>32</sup>

<sup>25</sup> «Journal officiel», 18 апреля 1871.

<sup>26</sup> «Journal officiel», 27 апреля

<sup>27</sup> «Journal officiel», 23 апреля

<sup>28</sup> «Journal officiel», 29 апреля 1871.

<sup>29</sup> «Journal officiel», 28 апреля 1871.

<sup>30</sup> Н.Лукин-Антонов. «Парижская Коммуна 1871 года». Москва 1922; стр.292.

<sup>31</sup> «Journal officiel», 6, 14, 19 апреля 1871.

<sup>32</sup> «La Commune», 22 апреля 1871.

В публичных собраниях в «зале улицы Аппаса», где профессор College de France Эдмон Дуэ вел цикл «популярных бесед» (entretiens populaires), 18 апреля в порядке дня стояло: «Программа национального воспитания: общечеловеческая мораль и знание — основы всякого национального воспитания».<sup>33</sup>

«Образование, как и правосудие, должно быть бесплатным и общедоступным: бесплатным, общедоступным и обязательным на первой ступени, бесплатным и общедоступным на всех ступенях; оно должно базироваться на общечеловеческой морали», — таковы тезисы этой программы.<sup>34</sup>

Художники Парижа, объединившиеся в «коммунальную федерацию» с Курбэ во главе, также не остались в стороне от общего движения. В своих манифестах они требовали передачи в их руки наблюдения за постановкой преподавания рисования и лепки в начальных школах и права назначения туда преподавателей по конкурсу, проектировали создание широкой сети художественно-промышленных школ (écoles communales d'art professionnel) и выработку новых методов преподавания.<sup>35</sup>

16 мая исполнительный орган ассоциации, «федеральная комиссия художников» (commission federale des artistes) приглашала «граждан и гражданок, желающих принять участие в реформе школы и заняться обучением рисованию и лепке», в течение трех дней (с 19 по 21 мая) явиться в помещение комиссии (б. министерство изящных искусств) для подачи заявления с приложением соответствующих документов и дипломов, а также краткого изложения своих методов преподавания.<sup>36</sup>

На 21 мая преподаватели обоего пола созывались в школу Тюрго на доклад о «международном языке, изобретенном Франсуа Сюдром», который предполагалось ввести в курс школьного преподавания.<sup>37</sup>

Вся тяжесть борьбы за новую школу, в условиях саботажа монахов и острого недостатка светских учителей, падала на плечи окружных муниципалитетов, которые проявляли иногда удивительную энергию. Вот некоторые из достигнутых ими результатов.

22 апреля «председатель комиссии X легиона» Лерудье известил население своего округа о совершившемся переходе коммунальной школы для мальчиков (по улице Фобур-Сен-Мартен) в руки светских учителей и о возобновлении занятий с 24-го числа. Доступ в школу открыт для всех детей от 6 до 15 лет, независимо от национальности и вероисповедания. Программа обучения: чтение, письмо, грамматика, арифметика, метрическая система, начатки геометрии, география, история Франции, рациональная мораль, пение и рисование (в применении к искусству и промышленным целям). Там же публичный курс рациональной морали и права, читаемый раз в неделю гражданином Ш.Пуарсон, директором школы.<sup>38</sup>

Мэрия III округа (Антуан Арно, Демэ, К.Дюпон, Пенди) могла с гордостью заявить (23 апреля): «Граждане, то, чего вы так давно добивались вместе с нами, то, в чем отказывали нам люди 4 сентября, чисто светское образование, является теперь совершившимся фактом для нашего округа. Нашими стараниями и заботами комиссии просвещения три конгрегационные школы улиц Фердинанда-Берту, Нёв-Бур-л'Аббэ и Беарна - уже в руках светских учителей. Мы надеемся, что эти учителя, во имя лучшего будущего страны, сумеют воспитать граждан, сознающих свои права и обязанности по отношению к республике».<sup>39</sup>

С 28 апреля та же мэрия приступила к бесплатному снабжению школьников всеми учебными пособиями.<sup>40</sup>

<sup>33</sup> «La Commune», 19 апреля 1871.

<sup>34</sup> «Journal officiel», 30 апреля 1871.

<sup>35</sup> «Journal officiel», 15 апреля и 10 мая 1871.

<sup>36</sup> «Journal officiel», 17 мая 1871.

<sup>37</sup> «Journal officiel», 20 мая 1871.

<sup>38</sup> Mur.Pol. II, 325.

<sup>39</sup> Mur.Pol. II, 327.

<sup>40</sup> Mur.Pol. II, 378.



Заметно отстает от других XVI округ (Пасси), где в населении преобладают буржуазные элементы и во главе муниципалитета нет ни одного члена Коммуны (избранные 26 марта Мармоттан и де Бутелье тотчас же вышли в отставку). Только к концу апреля члены коммунальной комиссии округа и местной комиссии просвещения (Санглие, Напиа-Пикэ и двое других) приступают к реформе, созывая для этой цели два собрания в мэрии, одно на 30 апреля для учительниц, другое на 1 мая для учителей, которые согласились бы помочь организации светского преподавания в школах округа.<sup>40</sup>

Вот в каких выражениях описывали члены муниципалитета III округа свою работу по созданию «Сиротского дома Коммуны» (Maison des orphelins de la Commune): «Со времени 4 сентября в нашем округе существует особая группа обездоленных... Мы говорим о сиротах, которые помещались в доме № 10 по улице Парк-Рояль; до настоящего времени, при полном невнимании к ним администрации, только добрая воля и патриотизм жителей III округа поддерживали их. В течение восьми месяцев дети оставались в помещении, совершенно не приспособленном для жизни, лишённые самого необходимого, лишённые забот, которые даёт семья.

И вот мы, граждане и гражданки, мы, «бандиты и разбойники», как называют нас версальцы, лишь только вступили в управление округом, немедленно занялись судьбой этих сирот.

Когда монахини, содержавшие школу в доме № 108 по улице Вьей-дю-Тампл, бежали, мы завладели помещением, которое они занимали, и немедленно приспособили его к новому назначению. Позавчера мы перевели туда 47 мальчиков и девочек. Здесь они будут окружены лаской и заботами; здесь они получают здоровое моральное воспитание и «свободное образование». Учить их будут приходящие преподаватели, независимые от учреждения, ибо, — вы согласитесь с нами, — педагогическая работа не совместима с несением административных обязанностей по приюту.

Загружать преподавателей вопросами питания и ухода за детьми, — значит принижать высокое звание педагога.

Равным образом, мы не хотим, чтобы дети были совершенно изолированы от общества; мы дадим им товарищей, которые будут, на правах экстернов, приходить на уроки в классы приюта.

Граждане, национальные гвардейцы, вы, которые призваны на защиту наших свобод, взирайте без боязни на будущее ваших детей. Если вам суждено пасть, Коммуна усыновит их, и мы воспитаем их в благоговейной памяти о доблести их отцов и в ненависти к угнетателям.

Вы же, гражданки, получающие социальное обеспечение, заслужите помощь, оказываемую вам, своей посильной работой по обслуживанию наших сирот.

И вы все, граждане, — и торговцы, и рабочие, — придите нам на помощь в благом деле создания Дома сирот Коммуны из того учреждения, в котором до сих пор царил клерикализм!»<sup>41</sup>

Такая же школа-приют для детей вдовцов, зачисленных в маршевые батальоны национальной гвардии, была открыта еще раньше в XI округе (16 апреля).<sup>42</sup>

В X округе предполагалось создать приюты и профессиональные школы для сирот, «отцы которых со славой пали, защищая наши коммунальные вольности», а также для детей, которые, в связи со службой их отцов на передовых позициях, остались без призора.<sup>43</sup>

«Муниципалитет XX округа, — пишет Лиссагарэ, — одевал и кормил детей, положив этим первое основание школьным кассам, получившим впоследствии такое развитие».<sup>44</sup>

В IX округе раз в неделю производилось бесплатное оспопрививание. В видах поощрения, уполномоченным по администрации округа, Байе-Дюменилем, установлена была премия в 3 франка родителям детей, которым будет сделана прививка.<sup>45</sup>

<sup>40</sup> «Le Mot d'Ordre», 29 апреля 1871.

<sup>41</sup> Mur.Pol. II, 520.

<sup>42</sup> Mur.Pol. II, 296.

<sup>43</sup> Mur.Pol. II, 510.

<sup>44</sup> Лиссагарэ. «История Коммуны 1871 г.». Москва 1905 (Изд. «Колокол»); стр.271.

<sup>45</sup> «Journal official», 26 апреля 1871

В XVII округе с 3 мая возобновляются занятия в школе для мальчиков по улице д'Армайе, преобразованной в светскую.<sup>46</sup>

В VIII округе член Коммуны и мэр, Жюль Алликс (Allix), уделяет много внимания физическому развитию молодежи. 5 апреля создается специальный «корпус гимнастов», имеющий целью обучение гимнастике, гражданской и военной. В «корпус» принимаются юноши от 16-ти до 20 лет. Директором и командиром «корпуса» назначается гражданин Ипполит Триа, учитель гимнастики. При «корпусе» организуется «гимназия», воспитанники которой будут рекрутироваться среди учащихся «корпуса», обнаруживших особые способности и склонность к преподаванию гимнастики в школах и в армии. Для «гимназии» отводится здание казармы Пепиньер. Запись в корпус и гимназию принимается в гимнастическом зале Триа, авеню Монтэня, № 55, в Елисейских Полях. Обучение бесплатное.<sup>47</sup>

В своем обращении «к родителям, детям и ревнителям просвещения», от 26 апреля, мэрия VIII округа констатирует, что, несмотря на многочисленность и удовлетворительное состояние местных школ, последних все же недостаточно: число детей школьного возраста, от 7 до 15 лет, как показало обследование, составляет 6251, между тем как в 14-ти школах округа, светских, конгрегационных и протестантских, обучается только 1453 мальчика и 1577 девочек, всего 3.030; иначе говоря, 3221 ребенок остается без школьной подготовки. Необходимо, чтобы все дети в возрасте от 3 до 12 лет немедленно были помещены в школы, Из трех конгрегационных школ, самовольно закрытых монахами, две уже восстановлены, и только одна школа в округе не функционирует. При таких обстоятельствах можно будет приступить к реформе самого преподавания, и в первую очередь реорганизовать школу для девочек в улице Благотворительности, начальницей которой избрана г-жа Женевьева Вивьен, заслуженный педагог, лучше, чем кто-либо другой, знакомая с новыми теориями воспитания. В школу будут приниматься девочки, начиная с 3 лет (в детский сад). От детей в возрасте от 5 до 7 лет требуется уметь писать, читать и считать. Занятия в школе будут происходить публично, чтобы родители и профессора, при желании, могли на них присутствовать. Организованная на таких началах школа будет как бы «нормальной начальной школой» (*Ecole normale primaire*), подобно тому, как созданная мэрией гимнастическая школа является «нормальной гимнастической школой» (*Ecole normale gymnastique*). Задача дня — ввести гимнастику как обязательный предмет, во все коммунальные школы, а также музыку и рисование...

«В заключение, — писал Алликс, — мы обращаемся с настоятельной просьбой ко всем людям с сердцем и умом помочь нам в осуществлении мечты всей нашей жизни... в проведении реформы детского образования, одновременно научной и практической. Общество «Социальная Коммуна Парижа», основателем которого мы являемся, будет помогать нам своими знаниями и работниками...»<sup>48</sup>

Открытие школы в улице Благотворительности задержалось по неизвестным причинам, и из нового циркуляра Алликса (от 5 мая) мы узнаем, что оно было отложено до 8 мая, а возобновление занятий до 15-го. Новое обследование и опрос родителей показали, что в округе имеется гораздо большее, чем предполагалось, количество детей школьного возраста, нигде не обучающихся. В ближайшем будущем намечалось открытие ряда новых школ, как-то классов рисования в доме № 24 по улице Монсо, бывшего конгрегационного приюта для мальчиков в доме № 34 по улице Курселль, «реорганизованного в духе принципов нового воспитания», школы-приюта для сирот и безработных девушек (там же — мастерская для женщин), и сети временных подготовительных классов для детей, не имеющих пока возможности попасть в школы за отсутствием свободных мест. (Из этих классов должны были составиться впоследствии новые школы.) «Бесплатное и обязательное обучение не должно оставаться пустым звуком...», заканчивал Алликс свое обращение.<sup>49</sup>

<sup>46</sup> Mur.Pol. II, 402.

<sup>47</sup> «Journal officiel», 5 апреля 1871.

<sup>48</sup> Mur.Pol. II, 370—371.

<sup>49</sup> «Journal officiel», 8 мая 1871.

Секретарь мэрии XIV округа, Лебрэн, уверяет делегата по просвещению, что в его округе клерикальный элемент совершенно отстранен от преподавания, и сомневается, чтобы где-нибудь могли уцелеть монахи-преподаватели: «так велика наша бдительность и так ничтожна симпатия, которую они за все время своей работы сумели вызвать к себе».<sup>50</sup>

Генеральный секретарь мэрии III округа, Леон Жакоб (Leon Jacob), пишет, что уже с 16 апреля «все братья христианской доктрины очистили школы и были заменены светскими учителями», которых в округе насчитывалось около 20-ти. Та же участь постигла монахинь, которые были изгнаны из школ «к великому удовольствию» местного населения (au grand contentement de nos administrés). Три тысячи детей, посещающих школы округа, получают бесплатно все учебные пособия.<sup>51</sup>

Итак, вот два округа, которые идут в первых рядах движения за реформу школы.

«Бывшая школа «сестер» в доме № 119 по шоссе Менильмонтана (20 округ), — читаем мы в газете «Le Cri du Peuple», — стала чисто светской школой, где дети будут не только обучаться, но и получать пищу и одежду. Это оказалось осуществимым только благодаря упразднению бюджета культов. Таким образом, уже теперь сказываются благодетельные последствия декрета Коммуны, которые с течением времени почувствуются еще сильнее».<sup>52</sup>

«На улице Мучеников мы встретили толпу по меньшей мере в 200 мальчуганов. Они шли рядами, имея впереди двух малышей, одного с барабаном, а другого — с маленьким красным знаменем. Они во все горло распевали Марсельезу. Эта прогулка, сказали нам, означала открытие светской школы, организованной стараниями Коммуны». Вот бытовая картинка, которую рисует газета «Le Cri du Peuple» в одном из своих последних номеров.<sup>53</sup>

Большой интерес представляет инструкция преподавателям, составленная Рама, заведывавшим начальным образованием в XVII округе, и одобренная (vu et approuve) членом Коммуны Бенуа-Малоном. Инструкция исходит из положения, что преподавание религии в школах противоречит принципу свободы совести, так как школа содержится на общественные средства, собранные в виде налогов со всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, а потому религиозное воспитание может быть предоставлено лишь свободной инициативе семьи. В школе его заменяет преподавание общей морали. Учителям и учительницам начальных школ и детских приютов вменяется в обязанность строго соблюдать следующие правила.

Преподаватели должны применять исключительно научный, основанный на эксперименте метод, — тот метод, который всегда исходит из наблюдения над фактами, к какой бы области они ни относились — физической, умственной или моральной.

Преподавание морали, которое рекомендуется вести одновременно и теоретически, и практически, должно быть свободно от всяких религиозных или догматических элементов... оно не должно воспитывать ни в духе господства, ни в духе покорности.

Не могут быть предметом преподавания ни догмы, ни молитвы; последние не должны совершаться в школе...

Никакие религиозные изображения или другие предметы культа не могут выставляться в школах или приютах...

Ученики не должны пользоваться книгами или пособиями, которые в каком бы то ни было отношении противоречат научному методу или принципам солидарности...

© А.И.Молок  
ОЧЕРКИ БЫТА и КУЛЬТУРЫ  
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.  
Vive Liberta

<sup>50</sup> «Journal officiel», 18 мая 1871.

<sup>51</sup> «Journal officiel», 21 мая 1871.

<sup>52</sup> «Le Cri du Peuple», 10 мая 1871

<sup>53</sup> «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871

Преподаватели и преподавательницы, которые не согласны неуклонно проводить принцип свободы совести в школьном преподавании, приглашаются... сдать к концу настоящего месяца помещения и весь полученный ими... школьный инвентарь, а также заявить, с какого числа они перестанут посещать классы, с тем чтобы избежать вредно отражающегося на детях перерыва в учебных занятиях...<sup>54</sup>

Эта инструкция почти дословно повторяет мысли и положения, сформулированные в декларации общества «Новое Воспитание» от 1 апреля, о которой мы говорили выше. Оно и не удивительно, если вспомнить широкую распространенность этих тезисов в эпоху Коммуны, а также и то, что Рама, автор инструкции, был также одним из авторов декларации.

Мэрия XVIII округа в циркулярном письме от 10 мая к директорам и директрисам школ (подписанном Ж.-Б.Клеманом) писала: «Новый метод обучения, который предполагает ввести Коммуна, не может еще быть осуществлен. Война, которую ей навязывают, не дает ей возможности, как бы она этого хотела, немедленно разрешить все важные вопросы, выдвинутые революцией.

В ожидании инструкций, которые вырабатывает и не замедлит прислать вам комиссия просвещения, я прошу вас принять к сведению и исполнению нижеследующие указания, убежденный, что вы поймете их важность и готовы помочь нам в задаче, которую мы себе ставим.

Итак, мы просим вас удалить с глаз детей все то, что могло бы напоминать им о глупостях, которыми нас так долго морочили; в наших школах не должно быть больше места ни картинам, ни книгам религиозного содержания, ни крестам, ни статуям святых.

Вы покроете слоем белой или черной краски латинские религиозные надписи и замените их такими общечеловеческими девизами, как Свобода, Равенство, Братство, Труд, Справедливость, Республика.

Равным образом, вы упраздните, конечно, и притом немедленно, преподавание так называемой священной истории, катехизиса и церковного пения.

В ближайшее же время мы предоставим в ваше распоряжение серию хороших книг. Словом, вы понимаете, царство заблуждений кончилось; мы должны распространять свет истины и научить других любить ее.

Молитва, само собой, разумеется, упраздняется; мы заменим ее уроками более полезными, более пригодными для дела нравственного воспитания.

Настоящие указания не более как черновой набросок программы, которую мы разрабатываем; несмотря на это, я счел все же нужным преподать их вам и просить вас соблюдать их с рвением и толком.

Я настойчиво также рекомендую вам проявлять величайшую осторожность и мягкость в обращении с доверенными вам детьми.

Мы знаем, как велики трудности и бремя вашей ответственности; никогда не упуская этого из виду, мы сумеем быть благодарными вам за ваши усилия».<sup>55</sup>

«Совокупность человеческих знаний, — читаем в обращении к родителям мэрии IV округа, — является общей сокровищницей, из которой каждое поколение имеет право черпать, под тем условием, что научный капитал, накопленный в прошлом, будет расти на пользу грядущим поколениям. Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на образование, а потому посылка детей в школу является священным долгом семьи или, за неимением ее, — самого общества.

Только образование способно сделать из ребенка, когда он станет взрослым, человека, действительно ответственного за свои поступки по отношению к другим людям.

Как, в самом деле, можно требовать исполнения законов, если граждане не могут даже прочесть их текста?..

Исходя из этих бесспорных принципов, Парижская Коммуна приступает к организации народного просвещения...

<sup>54</sup> «Journal officiel», 13 апреля 1871 (Цитирую по переводу Лунина — стр.295).

<sup>55</sup> «Le Cri du Peuple», 19 мая 1871.



Но прежде всего она должна принять меры к тому, чтобы отныне уважалась свобода совести ребенка, и из его обучения было устранено все то, что может нанести ему вред...

Именно школа должна внушать детям, что всякое философское учение должно проверяться с помощью законов логики и данных положительной науки.

Коммуна не намерена насиловать чьих-либо религиозных убеждений, но должна строго следить за тем, чтобы и над ребенком, в свою очередь, не производилось насилия, путем навязывания ему догматов, к которым он по своему неведению не может отнестись критически или принять их вполне сознательно. Мы уже устранили из народных школ нашего округа всех членов различных религиозных конгрегации, которые до сих пор держали в своих руках дело просвещения, в нарушение принципа свободы совести и культов, закрепленной французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно светские преподаватели и преподавательницы; путем частых обследований, мы будем тщательно следить за тем, чтобы все без исключения элементы религиозного воспитания были изгнаны из школы.

Научить ребенка любви и уважению к себе подобным, внушить ему чувство справедливости, внедрить в его сознание, что он должен учиться во имя общественных интересов, — вот те моральные принципы, на которых отныне должно покоиться коммунальное воспитание.

Придите же нам на помощь своим содействием... в деле осуществления этой полезной и плодотворной задачи».<sup>56</sup>

Так подвигалась работа по реформе начальной школы в различных округах Парижа. Ее, в общем, медленный темп не удовлетворял передовые элементы рабочего класса, которые «горели страстным желанием изгнать из школ клерикализм» и открыть эру нового, светского образования. Об этом красноречиво свидетельствует резолюция секции Каррьер (Section des Carrieres) Международного Товарищества Рабочих (Париж — Монмартр), единогласно принятая на заседании 9 мая: «Принимая во внимание, что Парижская Коммуна открыто вступила на путь реформ политических и социальных, которые перечислены в нашей декларации принципов, предваряющей наши статуты; секция Каррьер Международного Товарищества Рабочих выражает пожелание, чтобы Парижская Коммуна, если она хочет идти по пути умственного прогресса, декретировала:

Образование светское, начальное и профессиональное, обязательное и бесплатное на всех ступенях».<sup>57</sup>

Газета «Политическая и Социальная Революция», в пробном номере от 16 мая, убеждала Коммуну «не только высказаться на бумаге (в пользу реформы, А.М.), но и немедленно приступить к работе по введению светского и обязательного образования. Невежество есть самое страшное оружие, которое монархии пускают в ход против народа; мы знаем это по печальному опыту почти целого столетия. Парижской Коммуне выпадает честь навсегда уничтожить это оружие. Она достигнет этим того, что, во-первых, заполнит пробел, который имеется в изложении принципов 89 года, а, во-вторых, откроет в Париже школы, где дети всех без исключения граждан будут черпать одно и то же свободное и демократическое образование».<sup>58</sup>

Как бы во исполнение всех этих пожеланий, в «Правительственном Вестнике» Коммуны от 12 мая появилось следующее циркулярное распоряжение: «В скором времени религиозное обучение совершенно исчезнет из парижских школ.

Однако, воспоминание о нем, в виде распятий, мадонн и других символов, еще остается во многих школах.

Преподаватели и преподавательницы школ должны озаботиться их удалением, так как присутствие этих предметов оскорбляет свободу совести.

Предметы этого рода, сделанные из ценных материалов, должны быть переданы по описи в Монетный Двор».<sup>59</sup>

<sup>56</sup> «Journal officiel», 12 мая 1871. Цитирую по переводу Лукина (стр.294).

<sup>57</sup> «Journal officiel», 11 мая 1871.

<sup>58</sup> «La Revolution politique et sociale», 16 мая 1871 (numero specimen).

<sup>59</sup> «Journal officiel», 12 мая 1871.

14 мая приказ за подписью Вальяна, скрепленный двумя членами Комитета Общественного Спасения (Эд и Гамбон), констатируя, что «во многих округах члены конгрегации отказываются подчиняться приказаниям Коммуны и препятствуют введению светского обучения», — предписывал окружным муниципалитетам и делегату общественной безопасности не останавливаться перед арестом ослушников.<sup>60</sup>

Тогда же муниципалитетам было предложено доставить в центр сведения о личном составе преподавательского персонала (как светского, так и духовного), действительно находящегося при исполнении своих обязанностей в школах и приютах. Инспекторы и инспектрисы начальных школ, назначенные прежней администрацией, смещены, при чем объявлено, что впредь школы будут инспектироваться только членами комиссии просвещения и делегатами, специально на то уполномоченными центром.<sup>61</sup>

В заседании Коммуны 17 мая Вальян выступил с небольшой речью, в которой обрисовал трудности, замедляющие проведение в жизнь школьной реформы, и жаловался на препятствия, чинимые духовенством: «Я прошу членов собрания, — говорил он, — руководящих работой окружных муниципалитетов, выслушать меня внимательно. Коммуна вверила мне ведомство, в котором у меня часто возникают конфликты с некоторыми муниципалитетами, тогда как с другими дело обстоит как нельзя лучше. Преподавание идет далеко не так, как следовало бы. Сегодня я хочу обратить ваше внимание на иезуитов. Они вмешиваются повсюду и всеми средствами. Муниципалитеты, известные своим рвением, покончили с ними в два дня; в других же они все еще не изгнаны. Было бы крайне важно, чтобы, спустя два месяца после революции 18 марта, эти люди не попадались больше на глаза в наших школах. Пусть окружные муниципалитеты вложат больше усердия в это дело и в сорок восемь часов покончат с ними самым решительным образом».<sup>62</sup>

Коммуна, выслушав Вальяна, приняла следующее постановление, которое на следующий день появилось в «Правительственном Вестнике», а также было расклеено на стенах города: «Ввиду предложения делегации по просвещению. Коммуна постановляет: в течение сорока восьми часов будет составлен список всех учебных заведений, находящихся еще, несмотря на приказания Коммуны, в руках членов конгрегации. Имена членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты округов, где приказания Коммуны о введении исключительно светского обучения не будут исполнены, будут ежедневно опубликовываться в «Правительственном Вестнике».<sup>63</sup>

Популярнейшая газета эпохи, «Pere Duchene», с восторгом приветствовала декрет:

«Вы знаете, патриоты,... что делегат по просвещению, который прекрасно понимает интересы патриотов, издал декрет, которым воспрещается, наконец, забивать детям голову всяким вздором, и от дела образования устраняется вся поповская братия.

Вот чего хочет делегат по просвещению и что всецело отвечает также видам Пер-Дюшена!

В пятом округе, куда частенько заглядывает Пер-Дюшен выпить рюмочку-другую с кем-нибудь из друзей-патриотов, там, за Пантеоном, работают вовсю, чтобы провести в жизнь меру, предложенную гражданином делегатом по просвещению.

А черные клобуки сопротивляются! Чорт возьми! Они как будто обзопились! Да! Так, по крайней мере, говорит нам расклеенная нынче утром афиша гражданина Эд.Вальяна.

Однако, чорт возьми, патриоты, что это как не шайка негодяев, и стоит ли с ними церемониться?

С ними, которые, вот уже семьдесят лет, ставят палки в колеса Прогрессу, думая остановить его победоносное шествие, и Революции, когда она старается проложить себе дорогу!

<sup>60</sup> «Journal officiel», 16 мая 1871.

<sup>61</sup> «Journal officiel», 14 мая 1871.

<sup>62</sup> «Journal officiel», 19 мая 1871.

<sup>63</sup> «Journal officiel», 19 мая 1871.

Теперь, Революция свершилась! Красное знамя не выкраивается, как другие знамена, из поповских ряс.

Да здравствует Коммуна! долой все то, что противится ей!

Долой все то, что проповедует невежество,

Ведет к одичанию,

К деспотизму,

К эксплуатации бедных богатыми,

К торжеству капитала!

Старый мир рушится. Ничто не выйдет более из-под его развалин!

Место Разуму, Науке, которая одна делает человека свободным!

Черноризники, руки прочь от воспитания детей!»<sup>64</sup>

Увы, мы не можем теперь разделить восторженный энтузиазм тройки юных революционеров, издававших газету. Декрет от 18 мая — официальное признание, сделанное Коммуной за три дня до гибели — ясно показывает, что дело борьбы за светскую школу, начатое революцией, доведено до конца не было.

Зато Коммуна обратила серьезное внимание на профессиональное образование. Она мечтала создать такой тип школы, которая, служа продолжением общей начальной, соединяла бы в себе, с одной стороны, практическое обучение тому или иному ремеслу с изучением естественных и гуманитарных наук, а с другой стороны — умственное образование с физическим.

6 мая Вальян объявил об открытии «первой профессиональной школы» в помещении бывшего иезуитского коллежа в V округе (в доме № 18 по улице Lhomond); родители приглашались записывать своих детей, начиная от 12 лет, в окружном муниципалитете, указывая ремесло, которому они желали бы их обучить; рабочие разных специальностей старше 40 лет приглашались помочь в деле организации при школе различных мастерских и обучения детей тому или иному ремеслу; преподаватели живых языков, математики и естествознания, истории и рисования призывались к участию в строительстве этого нового типа средней школы.<sup>65</sup>

Характерны дебаты, происходившие в заседании Коммуны 3 мая, на котором Паризель предложил использовать помещение коллежа под убежище для стариков и старух. Виар, поддерживая это предложение, заявил: «Никогда мы не найдем ничего более благоустроенного и отвечающего требованиям гигиены, чем это заведение». Режер возражал против этого проекта: «Заведение иезуитов предназначено для целей обучения, — говорил он, — мне кажется, что я знаю мнение Вальяна на этот счет. Это заведение приспособлено для научных занятий: там имеются прекрасно оборудованные лаборатории и астрономические приборы, которые стоили громадных денег». Вальян: «Я добавлю к этому только одно слово: безусловно необходимо, чтобы Коммуна сохранила это заведение для целей преподавания». Вопрос был решен в пользу комиссии просвещения.<sup>66</sup>

«Вот мера, которая удовлетворит санкюлотов! На этот раз, нельзя сказать, чтобы расклеенное сегодня утром объявление о профессиональном образовании не было от начала до конца революционным и не отвечало интересам народа, чорт возьми! — восклицал Pere Duchene. — Надо прямо сказать, что трудно будет понять недовольных. Никогда еще Пер-Дюшен не выпивал с таким удовольствием своей рюмочки за здоровье патриотов! Да здравствует Коммуна, гром и молния! За здравствует делегат по народному образованию! Да здравствует комиссия просвещения, которая только что заложила основы настоящей реформы образования!

Если теперь, граждане, из ваших детей не выйдут малые с головой и руками, это значит, что они родились с каким-нибудь природным недостатком.

Но, чорт дери, все шансы за то, что наша школа их выправит! Ведь люди что растения: когда садовник умело ухаживает за ними, они вырастают высокими и прямыми.

<sup>64</sup> «Le Pere Duchene», 29 флореаля 79 года (18 мая 1871).

<sup>65</sup> «Journal officiel», 7 мая 1871. Очерки быта и культуры.

<sup>66</sup> «Journal officiel», 5 мая 1871.

В те времена, когда треклятые черноризники обучали детей, не легко было сделать мужчин из ваших карапузиков; не было никакой возможности посылать их в школу, — всюду были там понапиханы боженьки, не говоря уже... о том, что школа находилась в руках либо ослов, оплачиваемых правительством, либо этих бездельников и плутов монахов, которым было разрешено преподавание.

А что и как они преподавали, это мало согласовалось с идеями Пер-Дюшена, а также и с вашими, друзья мои. Теперь этому положен конец.

Коммуна открывает профессиональные школы для детей патриотов.

Первая из них уже устроена в старом логовище иезуитов на Почтовой улице. Пер-Дюшен посетил это заведение и ручается вам головой, что там нет недостатка ни в чем.

Проклятые попы держали там коллеж, где по-своему воспитывали маленьких аристократов. И, правду говоря, не жалели ничего, чтобы эти злые семена приносили плоды, — дело было поставлено там неплохо.

К счастью, все это пригодится теперь для маленьких санкюлотов. Каждому свой черед, гром и молния!

Отныне эти бедные мальчуганы будут с ранних лет избавлены от нищеты, от вредных для здоровья мастерских с их отравленной атмосферой!

Теперь не аристократы, а дети народа будут играть в тени деревьев бесконечных аллей; заниматься в обширных залах; заливаться здоровым смехом в тиши коридоров; склонять свои маленькие головки над книгами; вдыхать полной грудью воздух науки; словом, работать и в то же время веселиться — тысяча чертей! — как это и подобает их возрасту.

А чтобы они стали потом полезными гражданами, их не будут обучать тем глупостям, той мертвечине, которую попы забивали некогда мозги маленьких аристократов! Коммуне нет надобности, как другим правительствам, с ранних лет развращать юные умы.

Нет, их приставят прежде всего к хорошему ремеслу, дабы они всегда знали, что сумеют заработать себе на жизнь трудом, и чтобы им никогда не приходилось, ради пропитания, идти на преступления, что частенько случается с аристократами, когда они промотают свои денежки.

Но это не все. Как человек живет не одним желудком, но и умом, который занимает у него далеко не последнее место, — детей будут учить всему тому, что необходимо, чтобы из них вышли цельные люди, которые сумеют найти применение всем своим способностям и работать не только руками, но и головой.

Одним словом, им будет преподано научное и всестороннее образование, благодаря которому, надеется Пер-Дюшен, они станут достойными ребятами и сумеют справиться со всяким делом, не нуждаясь ни в чьей посторонней помощи, — дело немалой важности для человека, который дорожит своим достоинством.

Вот, патриоты, что сделано сейчас Коммуной в интересах революции и нашего будущего!

Разве вы не находите, что она поступила превосходно?

И разве Пер-Дюшен не имел полного права, ради такого случая, пропустить лишнюю чарочку?»<sup>67</sup>

Увы, этим, как и многим другим начинаниям Коммуны не суждено было осуществиться! 21 мая «комиссией по организации обучения», за подписью Вальяна, начало занятий в «профессиональной школе улицы Ломон» объявлено было на понедельник 22 мая (при чем рабочие, которые пожелали бы быть мастерами ремесла в школе, приглашались записываться в делегации труда и обмена, в секции синдикальных камер»), — а уже к утру 22 мая 50000 версальцев находились в Париже, и пять дней спустя революция была потоплена в море крови!<sup>68</sup>

---

<sup>67</sup> «Le Pere Duchene», 19 флореаля 79 года (8 мая 1871), стр.5—6.

<sup>68</sup> Mur.Pol. II, 553.



17 мая Вальян обратился к окружным муниципалитетам со следующим циркуляром: «Принимая во внимание, насколько важно, чтобы коммунальная революция упрочила свой по существу социалистический характер (*essentiellement socialiste*) посредством реформы обучения, которая обеспечит каждому истинную основу социального равенства — всестороннее образование — и облегчит изучение той профессии, к которой он имеет способности и влечение; признавая, с другой стороны, необходимым, еще до составления и выполнения подробного плана всестороннего образования, немедленные реформы, которые упрочили бы в близком будущем радикальное преобразование школы, делегация по просвещению предлагает окружным муниципалитетам немедленно прислать в бывшее министерство народного просвещения указания и сведения о помещениях и заведениях, наиболее приспособленных для скорейшего учреждения профессиональных школ, где учащиеся, кроме обучения ремеслу, могли бы пополнить свое научное и литературное образование. Окружным муниципалитетам предлагается также войти в контакт с делегацией по просвещению, дабы возможно скорее вызвать к жизни профессиональные школы».<sup>69</sup>

В свою очередь, мэрия II округа выпустила следующий манифест, расклеенный на территории округа:

«До сих пор конгрегационные школы служили только делу монархий; республика не может поддерживать эти учреждения, самый принцип которых является отрицанием всякого прогресса. Обучение светское, бесплатное и обязательное — такова программа, в рамках которой должна держаться революция; той же программы будет держаться и коммунальная делегация второго округа.

Вот чем будут наши школы, если наши взгляды будут поняты, и начинания поддержаны.

Глубоко убежденные в настоятельной необходимости воспитать здоровое и крепкое поколение, которое могло бы, достигнув зрелости, воспользоваться со временем завоеваниями революции, мы имеем в виду создать подлинное образование, такое, которое в научных вопросах оперировало бы только установленными и бесспорными фактами, прошедшими через горнило человеческого разума чистыми и без примесей, а в области морали следовало бы извечным принципам свободы и справедливости, которые создают человека и гражданина.

Но даже такая коренная реформа воспитания юношества, одна, не достаточна. Вот почему мы и направим наши усилия по пути реализации профессионального образования. Пусть каждый ребенок обоего пола, закончив курс первоначального образования, выйдет из Школы-Мастерской, обладая серьезными навыками в одном или в двух ремеслах, — такова наша цель.

Все наши усилия будут направлены к тому, чтобы достигнуть этого результата; ведь последнее слово человеческого прогресса целиком заключено в простой формуле: Работа всех на всех.

Нужно, чтобы человечество приняло к точному исполнению правило, — основу всякого истинного равенства, — древнее, как первобытные общества: «Кто не трудится, пусть не ест» (*Celui qui ne travaille pas ne doit pas manger*).<sup>70</sup>

13 мая «Правительственный Вестник» сообщал о предстоящем открытии школы рисования на улице Dupuitren, преобразованной в «Профессиональную школу художественной промышленности для молодых девушек». В этой школе предполагалось преподавать: рисование, лепку, резьбу по дереву и слоновой кости и вообще всякого рода прикладные искусства, наряду с общеобразовательными предметами.<sup>71</sup> Тогда же гражданка Парполэ (Parpolet), преподавательница лепки, назначена директрисой школы.<sup>72</sup>

В этом внимании к вопросам профессионального образования несомненно сказались, как справедливо замечает Лукин, пролетарская сущность правительства

<sup>69</sup> «Journal officiel», 18 мая 1871.

<sup>70</sup> «La Commune», 7 мая 1871.

<sup>71</sup> «Journal officiel», 13 мая 1871.

<sup>72</sup> E.Moriac. «Paris sous la Commune». Paris 1871; p.288.

Для реорганизации женского образования и для наблюдения за школами для девочек, 21 мая, в самый день вступления версальцев, декретом Вальяна была учреждена особая комиссия в составе гражданок Андре Лео, Анны Жаклар, Перье, Реклю и Сапиа. События не позволили ей даже приступить к работе.<sup>74</sup>

Между тем, вопрос о женском образовании, в связи с вопросом о роли женщины в революции, горячо обсуждался на столбцах революционных газет.

«Если бы вы, граждане, знали, насколько судьбы революции зависят от женщин, — писал «Pere Duchene», — вы обратили бы самое серьезное внимание на воспитание девочек и не дали бы им прозябать в невежестве, как это делалось до сих пор.

В хорошей республике девочки заслуживают, пожалуй, еще большего внимания, чем мальчики. Потому что, как вам известно, патриоты, — именно на коленях гражданок мы лепечем наши первые слова, получаем первые представления, открываем глаза на внешний мир и начинаем мыслить.

А хорошая гражданка, образованная, знающая свое дело, которая не даст себя обойти плутам и бездельникам, словом, настоящая гражданка, — это, прежде всего, образцовая мать семейства. Как курица с цыплят, она не спускает глаз со своих малышей, следит за ними и хотела бы не краснеть за них. Она была бы в полном отчаянии, если бы они выросли вдруг такими негодьями, как Тьер, Фавр, мерзавец Пикар, грязная скотина Винуа, Галифе и другие каналы в том же роде! Нет..., она лучше повесится или бросится в воду, бедная женщина, чем перенесет это!..

Что касается версальских ослов, которые бомбардируют Париж и засыпают нас гранатами до самых Елисейских Полей, — они воспитаны, видимо, не в том духе, и их матери не принадлежат, конечно, к типу настоящих гражданок!..

Да, черт возьми, надо хорошенько воспитывать девочек! Если бы у Пер-Дюшена было достаточно учености, чтобы занимать пост делегата по народному просвещению, он основательно занялся бы этим делом!

До тех пор, пока женщины не научатся свободно читать и писать, пока им не будет дано правильного образования и хороших книг, которые внушат им любовь к отечеству и чувство собственного достоинства, — никакие реформы не будут возможны...

Женщины Парижа, в общем, хорошие патриотки! Пер-Дюшену известно, что многие из них, как, например, храбрая Луиза Мишель, сами сражаются с версальскими разбойниками. Но этого одного еще недостаточно. И при том не все таковы, как Луиза Мишель.

Есть такие, которые боятся всего на свете ... и когда мужу надо выступать, говорят ему: «Останься!.. Чего ты там не видал? Там стреляют! Не нужно рисковать собой!.. тебя могут убить, что я тогда буду делать с малышами?»

Черт возьми! разве можно так рассуждать!

Сразу видно, что это гражданки, не получившие патриотического воспитания! Если бы они были воспитаны, как подобает, республикой, они знали бы, что борьба, которую мы ведем, это борьба во имя справедливости и труда, благоденствия и мира! И ни одна из них не стала бы тогда мешать ей!..»<sup>75</sup>

Громадное принципиальное значение имел изданный в конце мая декрет об увеличении жалованья учителей начальных школ. Вот текст этого декрета:

«Парижская Коммуна (комиссия по народному просвещению), принимая во внимание что жалованье учителей до революции 18 марта было до смешного ничтожно, в своем заседании от пятницы 29 флореаля постановила:

- 1) минимум жалованья помощникам учителей устанавливается в 1500 франков;
- 2) то же для директоров — в 2000 франков.

<sup>74</sup> «Journal officiel», 22 мая 1871. — Андре Лео (г-жа Шампсэ) — один из виднейших публицистов эпохи, сотрудничала в социалистических органах «La Commune» и «La Sociale». Анна. Жаклар, русская, дочь ген. Корвин-Круковского, жена известного бланкиста, члена Ц.К. нац. гв. Виктора Жаклар.

<sup>75</sup> «Le Pere Duchene», 20 жерминаля 79 года (9 апреля 1871).

Принимая во внимание, далее, что жизненные потребности у женщин столь же велики и настоятельны, как и у мужчин, и что в деле преподавания женский труд равен мужскому, она постановила:

жалованье учительниц приравнивается к жалованью учителей, а именно 1500 фр. для помощниц и 2000 для директрис». <sup>76</sup>

Чтобы по достоинству оценить этот декрет Коммуны, необходимо вспомнить, каково было материальное положение учителей **до** и **после** Коммуны.

Во время империи учителя влачили поистине жалкое существование. Их скудный заработок не поспевал за непрерывным вздорожанием жизни. За период в 18 лет (1853—1870) заработная плата учителей поднялась, в среднем, на 14—15%, тогда как квартирная плата за то же время (1854—1873) возросла на 83%, а гектолитр пшеницы в течение одного только десятилетия (1852—1862) вздорожал на 35%. <sup>77</sup>

Приведем теперь другой ряд цифр, не менее поучительный. По данным статистики за 1871 г. (значит после разгрома Коммуны, так как статистика доведена до конца года) во Франции насчитывалось 32145 учителей коммунальных школ первой степени (*instituteurs*) и 5846 помощников (*instituteurs-adjoints*). Из них 75% учителей зарабатывали в год от 750 до 950 франков, 23% — от 1000 до 1900 и только 2% получали 2000 фр. и более.

Из помощников 65% получали от 400 до 600 фр. (т.е. от 1 до 1 1/2 франков день!), 23% — от 600 до 900 и лишь 12% зарабатывали 1000 фр. и более.

Еще хуже оплачивался труд учительниц. В 1867 г. императорским декретом минимум годового оклада был установлен для них в 600 франков, а для помощниц (*institutrices-adjointes*) в 350 франков. Немногим щедрее было для них правительство Третьей Республики. В 1871 г. из общего числа 16408 народных учительниц 59% получали в год от 550 до 650 фр., 23% — от 700 до 900 и только 18% — более 1000 фр. Из 3405 помощниц 62% зарабатывали от 350 до 400 фр. (т.е. около 1 фр. в день!), 27% — от 400 до 700 фр., 4% — от 700 до 900 и только 7% — более 1000). <sup>78</sup>

Изданный в последние дни Коммуны декрет не получил практического осуществления. Но задуман он был, по-видимому, давно. По крайней мере, уже в циркуляре от 4 мая делегация по народному просвещению, предписывая окружным муниципалитетам временно производить уплату жалованья учителям по старым ставкам, заявляла о своем намерении выработать «рациональный бюджет, который обеспечит школам необходимые средства, а учителям и учительницам жалованье, соответствующее их важным функциям». <sup>79</sup>

Немало внимания уделялось Коммуной вопросам дошкольного воспитания. Декрет 11 апреля, назначавший вдове национального гвардейца, «погибшего в борьбе за права народа», ежегодную пенсию в 600 фр., предусматривал призрение и воспитание круглых сирот за счет Коммуны, которая должна была давать им «всестороннее образование, необходимое для того, чтобы жить своим трудом в обществе». <sup>80</sup>

Мы уже видели, как, во исполнение этого декрета, во всех округах Парижа поддерживались старые и создавались новые дошкольные учреждения, — детские сады, дома и приюты.

Одним из крупнейших учреждений этого рода был «Сиротский Дом Национальной Гвардии Парижа для жертв войны», расположенный в IX округе, в доме № 40 по бульвару Виктора Гюго (бывш. бульвар Гауссмана). Во главе дома стояли директор священник Раймон, инспектриса Майо и женский комитет из шести лиц. Администрация дома предполагала в недалеком будущем открыть, в виде филиальных отделений, ряд новых приютов в разных частях Парижа. <sup>81</sup>

<sup>76</sup> «Le Cri du Peuple», 21 мая 1871.

<sup>77</sup> Тома, *op.c.*, стр.171—173.

<sup>78</sup> J.Simon. «L'Ecole». 8 ed. Paris 1874; p.102—103, 105—106, 126.

<sup>79</sup> «Journal off.», 4 мая 1871. О бюджете Коммуны по народному образованию подробнее см. в моей брошюре: «Народное просвещение во время Париж. Коммуны 1871 г.». Гос. Изд. 1922, стр.48-49.

<sup>80</sup> «Journal, off.», 11 апреля 1871.

<sup>81</sup> Mur.Pol. II, 397.

В горячем воззвании директор Раймон объяснял цели и устройство приюта, призванного давать убежище детям обоюго пола, отцы которых сражаются «за самое святое дело», а матери, занятые в мастерских и лазаретах, не могут окружить детей необходимыми заботами. «Республика, — писал он, — открывает детям свои объятия; она предоставляет им постель, одежду, пищу; она будет воспитывать из них честных, трудолюбивых и стойких людей. Убежище находится под покровительством Коммуны, министерств, мэров и военного интендантства, которое обещает ему свою особую поддержку. Великие бедствия требуют и великих лекарств! (Aux grands maux, les grands remedes)... Все за одного и каждый за всех! (Tous pour chacun, chacun pour tous.) Да здравствует Республика!» — Дети принимаются в убежище на основании простого свидетельства старшего унтер-офицера, удостоверяющего, что отец действительно числится в данной роте. Заботами Коммуны под приют отведено обширное, хорошо оборудованное помещение на 300 кроватей. Матери семейств призывались жертвовать в пользу приюта лишнее белье, одежду и обувь, которые не нужны их детям. Воззвание заканчивалось обращением ко всем гражданам Парижа откликнуться на страдания детей и помочь Коммуне в деле их воспитания и обучения.<sup>82</sup>

Впрочем, священник Раймон оказался волком в овечьей шкуре. 21 мая он был арестован по доносу бывшего полицейского комиссара Шовэ, мужа одной из служащих приюта. Следствие установило, что «достойный архипастырь» систематически утаивал деньги, отпускавшиеся интендантством на содержание детей (из расчета по 1 франку в день на ребенка), что составило солидную сумму в 8222 франка. Детей он кормил на одни продовольственные карточки, которые выдавала ему мэрия округа; естественно, что питание детей было ниже всякой критики. Обкрадывая таким образом доверенных ему детей, «святой отец» прокучивал общественные деньги в обществе своей любовницы, которая, перед самым обыском, успела скрыться, унеся с собой все, что можно было унести.<sup>83</sup>

Об интересе Коммуны к вопросам дошкольного воспитания свидетельствует, между прочим, и то обстоятельство, что «Правительственный Вестник» охотно отводит место в двух своих номерах большому проекту, представленному членами «Общества Друзей Просвещения» Марией Вердюр, Феликсом и Эли Дюкудрэ и озаглавленному: «Ясли» (Les Creches).<sup>84</sup>

В этом документе развиваются здоровые, передовые идеи о необходимости кормления младенца материнской грудью; несоблюдение этого правила, по мнению авторов проекта, ведет к физическому и нравственному вырождению человечества. Но матери-работницы не имеют возможности все свое время отдавать ребенку. Нужда гонит их на фабрики и в мастерские в поисках заработка. «До тех пор, пока ожидаемые нами социальные реформы не освободят их от всякой посторонней работы в период кормления, ясли могут принести существенную пользу как ребенку, так и матери, а, значит, и обществу». Мать, отправляясь утром на работу, оставляет ребенка на целый день в яслях.

Ясли должны устраиваться в кварталах, населенных рабочими, поблизости от больших заводов. Они состоят — по проекту — из садика и четырех комнат, по возможности в верхних этажах, так, чтобы соседние дома не мешали доступу воздуха и света. Вентиляция и чистота должны быть безукоризненные. Ясли рассчитаны на 100 детей. Одна комната предназначена для грудных младенцев, другая — для детей, уже начинающих ходить, третья — для столовой, четвертая — для игр; при яслях должна быть своя кухня.

---

<sup>82</sup> E.Andreoli. «1870—1871. Le gouvernement du 4 septembreet la Commune de Paris». Paris 1871; p.275—6.

<sup>83</sup> «Journal officiel», 23 мая. «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871.

<sup>84</sup> «Journal officiel», 15 и 17 мая 1871.



В комнате для грудных младенцев колыбельки, обтянутые белыми занавесками, расставлены на расстоянии 50 сантиметров друг от друга. Колыбели — железные, матрацы — легко высыхающие. В комнате для детей, начинающих ходить, паркетный пол застлан коврами, на которых дети резвятся и играют. Столовая не имеет другой мебели, кроме круглого стола со скамьями, по росту ребенка. Вокруг стола — галерея с двойными перилами служит местом прогулки и заменяет помочи и колясочки, которые уродуют плечи, вытягивая их. При совместной трапезе детей присутствует весь персонал. Комната для игр снабжена всем, что только может служить забавой для детей. Они не должны скучать ни одной минуты, так как скука для них опаснее болезни. Игрушки всех сортов, колясочки, орган, клетка с птицами, рисунки и рельефные изображения животных, деревьев и других предметов реального, не фантастического мира наполняют комнату. Прогулки по саду совершаются в зависимости от погоды и сезона.

Ни один служитель культа не может быть допущен в штат служащих ясель. На 100 детей достаточен персонал в 10 человек: заведующая, четыре женщины для ухода за грудными младенцами, три для детей, уже начинающих ходить, кухарка и прачка. В исполнении этих обязанностей служащие чередуются между собой каждую неделю, а сиделки, приставленные к грудным младенцам и детям, начинающим ходить, — ежедневно. Одна и та же работа изо дня в день могла бы наскучить им и сделать их угрюмыми и неразговорчивыми, а дети должны, по возможности, видеть около себя только веселые и молодые лица. Костюм тоже не должен быть мрачным, и черный цвет совершенно недопустим в яслях.

На ночь дети могут быть оставляемы только в случае самой крайней необходимости.

Для врачебно-санитарного надзора при яслях состоят штатный врач и фармацевт. Во избежание заразных болезней, все поступающие в ясли дети подвергаются медицинскому осмотру. Таково, вкратце, содержание этого интересного документа, проникнутого истинно демократическим духом и принявшего, в качестве лозунга, старую, но вечно новую формулу: здоровый дух в здоровом теле.

В XI округе заботами членов Коммуны было создано целых два приюта для детей национальных гвардейцев, павших в бою. Чтобы развлечь детей и доставить им удовольствие, устраивались гулянья и празднества. Об одном из таких праздников, состоявшемся в воскресенье 14 мая, читаем в газете «Le Cri du Peuple»:

«Около десяти часов утра пять больших карет, задрапированных цветными материями и знаменами с надписью — «Дети Коммуны, XI округ», — приехали за детьми и отвезли их в количестве от 80 до 90 человек в Венсеннский лес, где их ждал завтрак на открытом воздухе. Красный цвет экипажей, синие платица детей, развевающиеся по ветру знамена, взволнованные, смеющиеся личики детей представляли очаровательное зрелище; на всем пути кортеж был предметом самых горячих проявлений симпатии: мужчины и женщины, воспитатели бедных сирот, на каждом шагу встречали одобрительные взгляды, и тысячу раз повторялись возгласы: да здравствует Коммуна?..

Многие из этих малышей — братья и сестры; можно себе представить их радость встретиться и заключить друг друга в объятия после двухнедельной разлуки!

После завтрака и нескольких часов, проведенных в играх и забавах, мальчики и девочки вновь разместились в приготовленных для них каретах. Затем, бедные жертвы гнусной войны, которую привилегированные ведут против пролетариата, отправились к Июльской колонне возложить венки в честь мучеников справедливости и отцов, павших за освобождение трудящихся классов; а оттуда — в ратушу, чтобы выразить свою признательность и преданность Коммуне, их усыновившей.

Честь и слава членам Коммуны, делегатам XI округа! Их прекрасный пример найдет себе подражателей: дети Коммуны будут сынами отечества и друзьями человечества!»<sup>85</sup>

---

<sup>85</sup> «Le Cri du Peuple», 18 мая 1871.

Всей своей деятельностью Коммуна завоевала себе прочные симпатии среди массы школьных учителей и учительниц. Не мало их можно было видеть в рядах баррикадных бойцов в страшную майскую неделю. Вот что рассказывает очевидец, враждебный Коммуне, литератор Катюль Мандес: «Из ратуши выходит группа женщин, толпа расступается, чтобы дать им дорогу. Они направляются в мою сторону. Они одеты в черное. У каждой траурная повязка на рукаве и красная кокарда на шляпе. «Это — учительницы, которые заменили монахинь», — говорит мне офицер. Затем он встает, подходит к ним и спрашивает: «Ну, что, вы добились?» — «Да, — отвечает одна из них, указывая на бумагу, которую держит в руках, — вот наше задание: дети из школ будут привлечены к шитью мешков и набивке их землею; те, что постарше, будут заряжать ружья за баррикадами. Они будут получать паек национальных гвардейцев. Матери тех, кто умрет за Республику, получают пенсию. Детишки рвутся в бой, право! Мы заставили их много работать в течение последнего месяца: это будет для них отдыхом». Женщина, молодая и красивая, говорит это с кроткой улыбкой. Я содрогаюсь».<sup>86</sup>

Дети подражали своим воспитателям, изумляя героизмом и не детской отвагой. Вот что читаем, например, в дневнике инженера Риста и командира 141 батальона национальной гвардии Жюльена: «Форт Исси. 5 мая... Подростки из воспитательного дома, обслуживающие пушки 5 бастиона, гибнут во множестве, но все-таки твердо остаются на своих местах».<sup>87</sup>

Подвигами детей на фронте полны как газеты эпохи, так и мемуары друзей и врагов Коммуны.

Итак, Коммуна не довела до конца начатого ею дела борьбы за светскую школу. Реакция, наступившая после разгрома пролетарской революции, надолго отодвинула разрешение вопроса, и только 30 лет спустя, в министерство Комба, буржуазная республика решилась, наконец, осуществить буржуазную реформу: за отделением церкви от государства последовало и отделение школы от церкви и замена преподавания «закона божьего» преподаванием светской морали (разумеется, буржуазной).

Что же завещала Коммуна в области народного просвещения грядущим поколениям пролетариата? Неясный еще для нее в деталях идеал новой средней школы, школы - мастерской, которая, соединяя в себе науку и труд, выпускала бы подлинную рабочую интеллигенцию, интеллигенцию и станка, и кафедры; и право на образование, — не бумажное, юридическое право современной буржуазной государственности, но реальный доступ широких трудящихся масс к науке и знанию.

Коммуна хотела уничтожить самое проклятое неравенство, неравенство в умственном отношении, и написала на своем знамени великий принцип бесплатного, обязательного, светского и всестороннего образования.

«Париж хочет, — гласил манифест Коммуны к сельским труженикам, — чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и притом даром; потому что наука есть достояние всех и не менее необходима для жизни, чем глаза для зрения».<sup>88</sup>

## КЛУБЫ

«Клубы составят особую страницу в истории осады Парижа, хотя такого влияния на умы и на ход общественных дел, как клубы первой революции, они не имели», — писал буржуазный экономист Молилари, редактор «Journal des Debats», в своей книге «Красные клубы во время осады Парижа».<sup>89</sup>

---

<sup>86</sup> C.Mendes. «Les 73 journees de la Commune». 6 ed. Paris 1871; p.302. Генерал Аппер, в своем отчете о деятельности военных судов, дает цифру в 106 учителей, осужденных за участие в Коммуне («Rapport d'ensemble de M. le general Appert sur les operations de la justice militaire relatives & l'insurrection de 1871», p.261).

<sup>87</sup> Лиссагарэ. «История Коммуны в 1871 г.» (Изд. «Колокол»); Москва. 1905; стр. 294.

<sup>88</sup> «La Commune», 10 апреля 1871.

<sup>89</sup> O. de Molinari. «Les Clubs Rouges pendant le siege de Paris». Paris 1871; p. 1.

То же самое можно сказать и про клубы времен Коммуны. Никакого заметного влияния на политику революционного правительства они не оказывали. Резолюции по вопросам дня, проникнутые духом революционного радикализма, если и доходили до ратуши, то все же никогда не исполнялись: они зачитывались в заседаниях, после чего Коммуна без обсуждения переходила к очередным делам. Влияние на Коммуну оказывали другие проводники общественного мнения восставшего Парижа, газеты, в особенности же «Pere Duchene» и «Vengeur», где группировались главные знаменосцы революции и вожаки руководящего якобинско-бланкистского «большинства». Война, фронт, пресса, Коммуна с ее комиссиями и делегациями отвлекали все лучшие силы революции, и клубам не приходилось и мечтать о политическом влиянии и роли своих знаменитых предшественников, «кордельеров» и «якобинцев» 1792—1794 годов.

При всем том, было бы неверно отрицать за ними всякое значение. Если в осажденном германскими армиями Париже занимались только бесплодной критикой действий правительства Национальной Обороны, то из публичных собраний апреля—мая 1871 года рабочие и ремесленники Парижа выносили тот боевой закал, ту революционную решимость, тот энтузиазм, с которым сражались и умирали за великое дело освобождения своего класса. Там же, в фантастической обстановке церкви, превращенной в клуб, воспринимали они из уст безвестных ораторов, правда в смутной и неясной формулировке, идеи раскрепощения трудящихся, уничтожения эксплуатации человека человеком и создания нового трудового общества.

Не политические митинги, не партийные конференции, а собрания бойцов и аудитории для политического воспитания масс, — такова сущность клубов времен Коммуны.

Вот в каких выражениях описывала жизнь церквей-клубов газета Лиссагарэ «Трибун Народа»:

«С пяти часов утра до пяти часов вечера церкви принадлежат духовенству. В пять часов сторож убирает молитвенники, прячет в шкаф священные сосуды, запирает алтарь и приглашает верующих разойтись. В восемь часов появляется народ.

В первые дни бывали неприятные столкновения... Коммуна и католицизм сталкивались на лестницах. Возникали раздоры... Оратор, чтобы добраться до кафедры, нередко бывал вынужден взломать дверь, которую находил на замке. Священник, придя на другой день в церковь, находил на полу окурков сигары и, возмущенный, жаловался в газету «Gaulois». Но вот установилось обоюдное согласие; обе стороны довольны пока своим положением, а небо, как водится, примирилось с земными владыками.

... Будем откровенны. С первого взгляда сердце поэта сжимается. Рой воспоминаний овладевает им. Как бы мало суеверен он ни был, на плитах собора встают перед ним таинственные призраки, как бы требуя отчета у людей, дерзнувших пробудить их от векового сна... Кто позволил жизни с таким шумом ворваться в эту обитель смерти?..

Необъяснимое волнение охватывает душу. Печать странного величия лежит на этом приюте наивной веры. Эти люди, которые ораторствуют, а также те, которые их слушают, не апостолы ли это какой-нибудь новой религии? Как бы там ни было, но завтра, быть может, они будут проливать свою кровь за свое дело. Слышите, как грохочет пушка? Двери святилища легко могут открыться перед мучениками...

Люди входят, выходят, разгуливают, собираются в кучки. Смех парижского гамена заглушает голоса беседующих о политике. Подойдите к этим группам, прислушайтесь к разговорам... В первый раз простые рабочие обмениваются замечаниями по вопросам, которых до сих пор касались одни философы. Нигде ни следа охраны. Ни один агент полиции не надзирает за прохожими. Порядок и безопасность образцовые.

В прежнее время, когда этот самый народ возвращался подвыпившим с загородных танцулек, буржуа испуганно сторонился и думал: «Что стало бы с нами, что стало бы с нами, если бы эти люди были свободны?»

Вы видите, они свободны и не танцуют больше. Они свободны и работают. Они свободны и борются. Увидав их сегодня, всякий честный человек признает, что началась новая эра, и даже самый закоренелый скептик задумается».<sup>90</sup>

<sup>90</sup> «Le Tribun du Peuple», 19 мая 1871.

Разгромленные правительственными репрессиями, после революции 18 марта клубы начинают мало-помалу возрождаться, хотя полного расцвета достигают только к концу апреля — началу мая, когда весь Париж покрывается сетью клубов, и деятельность последних приобретает довольно интенсивный характер.

Первое упоминание о клубах после 18 марта находим в газете «Крик Народа» от 26-го числа того же месяца. Президент клуба Медицинской Школы письмом в редакцию газеты сообщает, что названный клуб, сообщая с публичными собраниями в улице Мэзон-Дьё и улице Арраса, единогласно принял резолюцию, клеймящую поведение парижских депутатов, выступивших против немедленных выборов в Коммуну, назначенных Центральным Комитетом национальной гвардии без согласия Версаля.<sup>91</sup>

Тот же клуб принимает деятельное участие в выборах: его три кандидата, А.Лаллеман, член Ц.К. нац. гв. Лякор и член Интернационала Арман Леви, принимаются Центральным Комитетом 20-ти округов и Республиканской Ассоциацией VI округа в основу избирательного списка.<sup>92</sup>

Около того же времени, газета «Коммуна» сообщает, что республиканский комитет VIII округа устраивает ежедневно, в 8 часов вечера, публичные собрания в помещении гимнастического зала Триа, в доме № 55 по улице Монтэня.<sup>93</sup>

30 марта, в зале Мольера, излюбленном месте народных собраний времен первой осады, в порядке дня заседания стояло: «Парижская Коммуна, ее роль, права и обязанности»; в зале Марсельезы: «Средства к постановке и разрешению социальных вопросов»; в зале улицы Арраса: «Капитал и труд; практические меры к организации».<sup>94</sup>

Последняя тема, по своей актуальности, продолжает фигурировать некоторое время в порядке дня заседаний в зале улицы Арраса, на которые приглашались все граждане, занимающиеся вопросом «об улучшении положения трудящихся классов».<sup>95</sup>

В зале Редут, в улице Жан-Жака Руссо, «клуб республиканского избирательного комитета и национальных гвардейцев федерации I округа» устраивал три раза в неделю публичные собрания для местных граждан. В порядке дня первого заседания, состоявшегося 1 апреля, стояло: 1) Объяснение целей организации клуба; 2) Избирательный вопрос; 3) Доклад об обязанностях Коммуны. Входная плата: 15 сантимов. Девиз клуба: «Республика не зависит от всеобщего голосования» (*La Republique est au-dessus du suffrage universel*).<sup>96</sup>

На дополнительных выборах в Коммуну 16 апреля клуб выставляет четырех кандидатов: командира 196 батальона национальной гвардии Гранжана, доктора Пийо (Pillot), публициста Везинье и счетовода Мишеля Жоли, из коих двое, Пийо и Везинье, оказываются избранными.<sup>97</sup>

В V округе интерес к выборам проявляет «демократический социалистический комитет», среди членов которого находим будущего комиссара социального обеспечения Трейяра, членов Коммуны Лонгэ и Режера и видного бланкиста Эдуарда Рулье. Для обсуждения кандидатур, комитет организует публичные собрания каждый вечер, с 8 часов, в зале улицы Арраса и в фармацевтической школе улицы Арбалет.<sup>98</sup>

В начале апреля возникает «Клуб Борьбы за права человека и гражданина» (*Club de la Revendication des droits de l'homme et du citoyen*). «Цель Общества Борьбы за Права Человека и Гражданина, — заявляет его «временный комитет», — состоит в том, чтобы всеми силами помогать защите нашей независимости и, если это потребует, пожертвовать собою для укрепления истинной Республики», основанной на великих принципах свободы, братства и равенства, проведению которых в жизнь должно быть отдано главное внимание.

<sup>91</sup> «Le Cri du Peuple», 26 марта 1871.

<sup>92</sup> Mur.Pol. II, 113.

<sup>93</sup> «La Commune», 28 марта 1871.

<sup>94</sup> «La Commune», 30 марта 1871.

<sup>95</sup> «Journal officiel», 4 апреля 1871.

<sup>96</sup> «La Commune», 1 апреля 1871.

<sup>97</sup> Mur.Pol. II, 276

<sup>98</sup> Mur.Pol. II, 149.



Из устава клуба видно, что «клуб» и «общество» не совпадают: клуб состоит при обществе и подчинен последнему, членами клуба могут быть и не-члены общества, но председателем, товарищем председателя и секретарем — только члены последнего. Для поступления в члены общества необходимо представить рекомендации двух членов. Заявление рассматривается сперва особой «анкетной комиссией», которая делает доклад бюро, а бюро — общему собранию членов общества, которое и решает вопрос по большинству голосов. Порядок дня первого заседания клуба гласил: «Национальная оборона. — Результаты выборов в Коммуну. — Вопрос о приеме новых членов».<sup>99</sup>

Граждане, созванные наблюдательным комитетом XIX округа на собрание в залу Марсельезы, единодушно «благодарят Парижскую Коммуну за ее декреты от 29 марта касательно вопроса о квартирной плате и объявляют, что она заслужила признательность Республики и Отечества».<sup>100</sup>

В Национальном Клубе, на бульваре Монмартр, некий гражданин Пелэн читает доклад на тему: «Магнетизм и спиритизм на службе у церковников». В тот же день (2 апреля) в зале Альказар, в предместьи Пуассоньер, с докладом выступает гражданин Лефор, «ученик Огюста Конта». Плата за вход на оба собрания 25 сантимов.<sup>101</sup>

Газета «Политическая и социальная революция», орган двух объединенных секций Интернационала (вокзала Иври и Берси), дает следующий перечень клубов, существовавших к 9 апреля:

Зала Мольера (в доме № 159 по улице Сен-Мартен). — Клуб республиканского союза VI округа (в амфитеатре Медицинской Школы). — Клуб избирательного комитета и национальных гвардейцев I округа (в зале Редут по улице Ж.-Ж. Руссо). — Собрания в доме № 2 по улице Terres-Fortes (наблюдательного комитета XII округа). — Собрания в зале Пре-о-Клэр (в доме № 85 по улице Бак). — Клуб Революции, в зале Робер (в XIII округе).<sup>102</sup>

Как видим, заседания происходят в концертных и танцевальных залах, школах и других гражданских учреждениях. Занятие церковей под клубы началось несколько позже.

Среди тем клубных речей и докладов преобладают темы исторические, социально-экономические и культурно-бытовые над темами чисто политическими, на злобу дня.

13 апреля в зале Валентине гражданин Зеппенфельд (Zeppenfeld) читает доклад о коммунальном движении во Франции, начиная со средних веков и вплоть до революции 18 марта, тоже протекшей под лозунгом «Коммуны». После доклада — прения. Входная плата — 50 сантимов.<sup>103</sup>

16 апреля в зале улицы Terres-Fortes доклад на тему: «Коммуна во Франции».<sup>104</sup>

18 апреля в зале улицы Арраса «популярные беседы» Эдмона Дуэ по вопросу о «программе национального воспитания»; тезисы доклада: общечеловеческая мораль и знание, как основы всякого национального воспитания.<sup>105</sup>

23 апреля во дворце Биржи доклад гражданина Пейзана на тему: «Последняя французская революция».<sup>106</sup>

29 апреля собрание в зале Мольера. Порядок дня: «Коммуна. — Париж — поборник прав и свобод всей Европы».<sup>107</sup>

В тот же день в зале улицы Арраса доклад Эдмона Дуэ о семье, о правах и обязанностях супругов. Вот краткое содержание доклада:

---

<sup>99</sup> Mur.Pol. II, 168.

<sup>100</sup> «Le Vengeur», 1 апреля 1871.

<sup>101</sup> «Le Vengeur», 2 апреля 1871.

<sup>102</sup> «La Revolution politique et sociale», 9 апреля 1871.

<sup>103</sup> «La Commune», 13 апреля 1871.

<sup>104</sup> «La Commune», 16 апреля 1871.

<sup>105</sup> «La Commune», 19 апреля 1871.

<sup>106</sup> «Le Mot d'Ordre», 23 апреля 1871.

<sup>107</sup> «Le Cri du Peuple», 29 апреля 1871.

Словарь Французской Академии так определяет семью:

«Все лица одной крови, как то дети, братья, племянники, а также и все лица другой крови, живущие в одном доме, под началом одного владыки. Это — не современная и не республиканская семья. Последняя есть ассоциация, созданная браком и служащая основой нации и общественной нравственности. Супруги должны быть равны перед законом и перед требованиями морали; между ними не должно быть других различий, кроме естественных различий физических или умственных, а также различия в обязанностях, налагаемых браком. Брак будет прочен лишь тогда, когда брачующиеся будут получать одинаковое национальное воспитание в начальной школе. Семьи, основанные на страсти, материальном интересе, расчете и деспотизме мужа, непрочны. Врагами республиканской семьи являются безбрачное духовенство, исповедаля, проституция, монархические установления; грозит ей разрушением также несоблюдение супругами взаимных прав и обязанностей, заключающихся в материальном, интеллектуальном и моральном развитии каждого из них. Нарушение солидарности губит брачный союз. Приданое есть установление безнравственное: истинное приданое — это личные качества невесты.

Столь же передовые идеи находим в программе национального воспитания, которая зачитывается докладчиком в тот же вечер: Образование, как и правосудие, должно быть бесплатным и общедоступным; оно должно быть бесплатным и обязательным на первой ступени; бесплатным и на всех ступенях; оно должно иметь базисом общечеловеческую мораль.<sup>108</sup>

Не меньший интерес представляет и другой из цикла докладов, читанных Эдмоном Дуэ в зале улицы Арраса, доклад на тему «Права и обязанности гражданина»:<sup>109</sup>

«Каждый гражданин имеет неотъемлемое право на физическое, интеллектуальное, моральное и политическое развитие.

Он обязан обеспечить возможность такого развития самому себе, своей семье и своим согражданам.

По отношению к самому себе, он имеет право на физическое развитие; это значит — на свободу материальной жизни, возможную лишь при дешевизне продуктов первой необходимости, а также при условии отмены налогов на насущнейшие предметы потребления. Он имеет право на общественную гигиену, на свободу промышленной, профессиональной и коммерческой деятельности, на уменьшение налогов, пропорциональное количеству детей, которых он дает государству и о благосостоянии которых должен заботиться.

Далее, по отношению к самому себе, он имеет право на умственное развитие, это значит — на бесплатное и публичное воспитание, на свободу мыслить, писать, говорить и сообщаться со своими согражданами (свобода прессы, творчества, пропаганды, книжной торговли, книгопечатания, собраний, ассоциаций, критики и восстания против всего, что противоречит науке и морали).

Эти свободы он обязан обеспечить самому себе, своей семье и своим согражданам.

Он имеет также право на моральное и политическое развитие, осуществляя свою волю и свои гражданские права без других ограничений, кроме прав своих сограждан.

Он обязан нести все те повинности, которые падают на него, как на связанного узами солидарности члена городской общины и нации (военную службу и участие в муниципальных и национальных расходах). Он должен платить налог, пропорциональный своим средствам и доходам, которые он извлекает из участия в жизни общины и нации, а также тем правам, которые гарантирует ему это общение с окружающими.

В отношении своей семьи он обязан развивать физические, интеллектуальные и моральные силы своих детей, а следовательно имеет право устранять от нее всякое влияние, губительное для этого развития, клерикальное или монархическое, антинаучное или аморальное.

---

<sup>108</sup> «Journal officiel», 30 апреля 1871.

<sup>109</sup> «L'Etoile», 5 мая 1871.

В отношении своих сограждан он обязан содействовать развитию города и нации; он имеет право критики и борьбы со всем тем, что препятствует этому развитию, оружием науки...»

28 апреля в зале Чудес (Cour des Miracles) в порядке дня заседания стояло: «О революции; изучение социальных проблем».<sup>110</sup>

Наряду с такими отвлеченными и теоретическими вопросами, по мере развития событий, клубы все более и более втягиваются в дискуссии на непосредственные темы дня. Борьба с Версалем, агитация в провинции, укрепление революционного правительства и беспощадная расправа с притаившейся в Париже контрреволюцией, мало-помалу отодвигают на задний план проекты немедленных социальных реформ.

Уже 13 апреля, по предложению гражданина Пелуза, клуб Медицинской Школы принимает следующую резолюцию:

«Принимая во внимание: 1) что депутаты Парижа, не подавшие в отставку, присутствуя в Версале при бомбардировке своих доверителей, лишаются тем самым своих полномочий, и 2) что, с подписанием мира, их мандат исчерпан; Клуб Медицинской Школы предлагает, чтобы особый, непрерывно заседающий народный комитет (comité peuple) объявил их лишенными полномочий, и считает их ответственными за действия версальской палаты.

Сверх того, он протестует против злоупотреблений депутатов... которые, посылая заявления об отставке председателю ли версальской палаты или Парижской Коммуне, считаются со своими избирателями столь же мало, сколь и с избирательными урнами, — что совершенно недопустимо».<sup>111</sup>

Граждане, собравшиеся в зале Мольера, заявляют, что «благополучие города требует, чтобы декрет о мобилизации мужчин от 19 до 40 лет был проведен в жизнь в 24 часа, и чтобы» все уклоняющиеся от исполнения его рассматривались, как дезертиры перед лицом врага, и карались, как таковые».<sup>112</sup>

27 апреля на многолюдном собрании в зале Мольера был принят манифест ко всем жителям Франции, содержащий исторический обзор событий и объяснявший цели и значение революции 18 марта:

«...Париж не ищет у провинции материальной помощи, он чувствует в себе достаточно сил для борьбы, и, если ему суждено пасть, он сумеет раздавить, в судорогах своей агонии, армию версальских роялистов. Париж ищет у департаментов одной моральной поддержки; он хочет представить в истинном свете свои намерения, равно как и свои деяния,

Героическим поведением своей национальной гвардии он показывает, на что он был бы способен против пруссаков, если бы его порыв не был остановлен теми которые называли себя правительством национальной обороны, а были, на деле, лишь правительством национального упадка. Эти негодяи знают, что, в своем бегстве в Версаль, они оставили в Париже доказательства своих преступлений; для уничтожения последних они пойдут на все, вплоть до того, чтобы превратить Парижа грудой развалин и море крови... Париж пойдет на все жертвы, чтобы достигнуть своей цели — установления Коммуны, программу которой можно резюмировать следующим образом: обеспечить всем гражданам труд на основе свободы, справедливость на основе равенства, порядок на основе братства. Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»

Так заканчивался этот манифест, опубликованный на другой день газетой «Le Vengeur». Девять клубов Парижа не замедлили присоединить к нему свои голоса. Это были: зала Марсельезы (в улице Фландрии); Национальный Клуб (в пассаже Жуффруа); Клуб Медицинской Школы; Клуб Школы Правоведения; Клуб улицы Terres-Fortes; Республиканский Союз уроженцев департамента Роны; Клуб College-de-France; Клуб Залы Чудес и Клуб Социальной Революции (в XVII округе).

<sup>110</sup> «La Commune», 29 апреля 1871.

<sup>111</sup> «Le Vengeur», 14 апреля 1871.

<sup>112</sup> «Journal officiel», 24 апреля 1871.

Декларация последнего гласила:

«Клуб Социальной Революции в XVII округе единогласно присоединяется к манифесту залы Мольера. Он подтверждает правдивость, точность и умеренность его содержания, и заявляет, что граждане Парижа должны всеми средствами агитировать в провинции и призывать наших братьев по всей Франции заклеить и восстать против негодяев, которые царят в Версале, держась насилием, обманом и преступлениями. Вместе с клубами и собраниями, которые присоединились к этому манифесту, мы не имеем иной думы, кроме как о существовании Республики, существовании Коммуны и благоденствии Франции.— Председатель и члены бюро:

Э.Севэн, Симон, Клебер».<sup>113</sup>

С 22 апреля в зале Казино (в улице Кадэ) заседает «Клуб Друзей Народа».<sup>114</sup>

«Первой церковью, которую Коммуна использовала под клуб, была церковь Св.Николая-на-Полях, сообщает публицист Эдмон де Прессансэ: — Я находился там вечером 28 марта и думал, что перенесся во времена первой революционной Коммуны. Передо мной была виньетка 1793 года. Церковь, залитая огнями как бы по случаю большого праздника; несметная толпа, наводнившая ее, толпа беспокойная, шумевшая, каждую сильную фразу покрывавшая неистовыми аплодисментами. Множество женщин, некоторые даже с детьми на руках. Бюро помещалось в алтаре, и председатель звонил в колокольчик, употребляемый при богослужении. Ораторы всходят на кафедру. Один из них требует, по поводу декрета о ломбарде, чтобы все заложенные вещи были немедленно возвращены беднякам, а вещи богатых — удержаны. «Вот это отлично, — восклицает одна гражданка, — вот за это-то я и люблю Коммуну!» Другой оратор читает протест одного из священников Николая-на-Полях против возмутительной профанации церкви и раздражается яростными нападками на католическое духовенство, которое он обвиняет в низости, обмане и эксплуатации народа. Энтузиазм собрания отдает горячкой исступления. До моего слуха доносятся еще страстные выпады против армейских поставщиков, на которые толпа откликается криками: «смерть им! смерть им!» Каждая речь покрывается неистовым воплем: «да здравствует Коммуна!», от которого сотрясаются готические своды церкви»...<sup>115</sup>

Если не считать церкви Николая-на-Полях, то захват церковных помещений под клубы начался только к концу апреля. Одной из первых натиску революции подверглась приходская церковь Божьей-Матери-на-Полях (Notre-Dame-des-Champs). В дневнике д'Арзака, под 26 апреля, читаем о начатом приспособлении под клуб церкви Монружа.<sup>116</sup>

В первых числах мая открываются Коммунальный Клуб в церкви Сен-Сюльпис, Центральный Клуб Парижа при Центральном Комитете 20 округов, в церкви Св.Евстафия<sup>117</sup>, и клуб в церкви Сен-Рок<sup>118</sup>.

3 мая состоялось открытие «Клуба Социальной Революции», в церкви Св.Михаила, в округе Батиньоль. «Церковь была битком набита народом, среди которого преобладали женщины. Чувствовалось, что мужья, отправляясь сражаться за Коммуну, оставили дома крепкий росток революционных идей. Среди присутствующих было несколько членов Коммуны. Бюро, составленное из граждан Файе, Севэна, Симона, Леона Анжевена, было расположено как раз напротив трибуны, которою служила, конечно, церковная кафедра. Заседание открылось Марсельезой, исполненной органом и с энтузиазмом подхваченной членами клуба. Этот патриотический гимн, раздаваясь под сводами церкви, производил незабываемое впечатление. После нескольких весьма интересных речей, произнесенных в истинно-революционном духе гражданами Комбо, Севаном, Сассеном, Файе, красная перевязь была наброшена на кафедру, ставшую отныне народной трибуной. Затем был исполнен Chant du depart.

<sup>113</sup> «Le Vengeur», 28 апреля 1871.

<sup>114</sup> «Paris libre», 22 апреля 1871.

<sup>115</sup> E. de Pressense. «Les lecons du 18 Mars». Paris 1871, p.66.

<sup>116</sup> J.d'Arsac. «La guerre civile et la Commune de Paris». Paris 1871, p.464—465.

<sup>117</sup> Mur.Pol. II, 409.

<sup>118</sup> Ed.Thierry. «La Comedie Francaise pendant les deux sifeges (1870—1871)». Paris 1887; p.431.



Заседание закрылось при звуках Марсельезы, и присутствующие разошлись при единодушных возгласах: да здравствует Коммуна! да здравствует Социальная Революция! — Клуб Социальной Революции будет заседать ежедневно. По предложению граждан Файе и Комбо, порядок дня следующего заседания, принятый собранием, гласит: «Женщина в ее взаимоотношении к Церкви и Революции».<sup>119</sup>

С 6 мая в подвальном этаже церкви Вожирара, в XV округе, происходят заседания кружка якобинцев и секции Вожирар Международного Товарищества Рабочих.<sup>120</sup>

7 мая в церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, в I округе, открывается женский клуб.<sup>121</sup> Около того же времени возникают женские клубы и в других округах Парижа.

Организационный комитет клуба в церкви Св.Амвросия (в XI округе) призывает всех местных граждан посещать собрания клуба, «дабы каждый гражданин в точности знал все, что происходит»: «когда мы будем собираться вместе, и каждый сможет высказать все, что он думает, нам легче будет принимать все необходимые решения», «так как только с помощью народных собраний мы осознали наши права, за которые боремся».<sup>122</sup>

13 мая открылся коммунальный клуб в церкви Сен-Северин.<sup>123</sup>

Всего, по авторитетному свидетельству буржуазного историка церкви во время Третьей Республики, Дебидура, отнюдь не склонного к роли апологета Коммуны, только около полутора десятка клубов устраивали свои заседания в церквях. «Необходимо признать — пишет он, — что в конце апреля столь многочисленные тогда в Париже клубы никогда почти не собирались в зданиях, посвященных культу. Если же после этого времени, в особенности с первых дней мая, около 15 обществ устраивали свои заседания в церквях, то Коммуна была тут не при чем. Предоставляя вещам идти своим ходом, она сама заботилась, однако, о том, чтобы народные собрания происходили в часы, не предназначенные для религиозных обрядов, и чтобы последние не встречали помехи».<sup>124</sup>

Что касается тем клубных речей, то, с одной стороны, ораторы критикуют отдельные действия Коммуны и требуют, чтобы она решительно вступала на путь террора и репрессий, а с другой,— произносят страстные обличительные речи против социального строя, основанного на эксплуатации человека человеком.<sup>125</sup> «Буржуазия каждый вечер приносилась в жертву федерации труда» (*la bourgeoisie etait sacrifice tous les soirs a la federation du travail*), замечает очевидец, Эдмон де Прессансэ.<sup>126</sup>

С особой ненавистью ораторы обрушивались на католическое духовенство, этот главный оплот реакции и вернейшего союзника крупной буржуазии. «Нужно уничтожить монахинь, иезуитов и попов; нужно выгнать их из этого дома, который принадлежит нам, и где проклятый Бонапарт задавал пиры; нужно вырвать из их рук наших детей и женщин, которых они воспитывают в невежестве и в ненависти к социальной республике», — вот что проповедовал с кафедры церкви Сен-Сюльпис рабочий, избранный председателем в заседании 11 мая.<sup>127</sup>

В начале мая возникает идея объединения клубов и народных собраний Парижа в единый союз. Инициативу в этом деле взяла на себя зала Мольера, которая предложила всем клубам и собраниям прислать по три делегата на предварительное, организационное собрание в мэрии III округа.<sup>128</sup>

<sup>119</sup> «Journal officiel», 5 мая 1871.

<sup>120</sup> «La Sociale», 6 мая 1871.

<sup>121</sup> «La Sociale», 9 мая. О женских клубах подробнее см. ниже, в III очерке.

<sup>122</sup> Mur.Pol. II, 420.

<sup>123</sup> Ed.Thierry. «La Comedie Francaise pendant les deux sieges». Paris 1887; p.446.

<sup>124</sup> A.Debidour. «L'Eglise catholique et l'Etat sous la troisieme republique». Paris 1906; I, 39—40.

<sup>125</sup> См., напр., описание первого заседания клуба в церкви св.Евстафия в «Дневнике Э.Гонкура» (А.Дюбрейль. «Коммуна 1871 года». Пер. Н.Тютчева. Петроград 1920; стр.XV).

<sup>126</sup> Ed. de Pressense. «Les lecons du 18 mars». Paris 1871; p.118.

<sup>127</sup> J.d'Arsac. «La guerre civile et la Commune de Paris». Paris 1871; p.579.

<sup>128</sup> «La Sociale», 3 мая 1871.

Образовавшийся таким путем союз получил название «Федерации клубов»; во главе ее стал комитет из представителей всех присоединившихся клубов, члены которого собирались время от времени на общие собрания в зале ведомства общественного призрения.<sup>129</sup>

В федерацию вошли следующие клубы и общества: Клуб залы Мольера (3 округ); Клуб Республики (9 округ); Национальный Клуб (9 округ); Революционный Клуб (5 округ); Клуб Марсельезы (19 округ); Коммунальный Клуб (3 округ); Наблюдательный Комитет (8 округ); Республиканский Союз (Union republicaine) улицы Вивьен; Центральный Комитет (4 округ); Исполнительный Комитет Союза Департаментов; Клуб Медицинской Школы (5 округ).

7 мая комитет федерации опубликовал следующее воззвание к клубам и публичным собраниям Парижа: «Граждане. Мы обращаемся с призывом ко всем публичным собраниям, которые примыкают к Коммуне. Комитет состоит из трех делегатов от каждого клуба или собрания. В его задачи входит: 1) Защищать Республику и поддерживать принцип Коммуны; 2) Ставить на обсуждение в каждом клубе предложения, сделанные одним или несколькими из них, и направлять в Коммуну те, которые будут приняты во внимание Комитетом Федерации; 3) Поддерживать непрерывную связь с Коммуной, дабы она могла ежедневно сообщать нам сводку военных действий за день, которая затем передавалась бы соответствующим клубам через их представителей; таким путем были бы избегнуты последствия, часто очень плачевные, небылиц, разглашаемых газетами.

Вот, граждане, краткое изложение наших целей; мы думаем, что Комитет федерации клубов может, в случае надобности, стать гарантией от неспособности одних и честолюбия других.

Защищать и поддерживать Республику и Коммуну — таков наш долг; ваша поддержка нам необходима, мы просим ее у вас; мы ждем от вас ответа на наш призыв. Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»<sup>130</sup>

В этом документе обращает на себя внимание полное отсутствие указаний на пролетарский характер и социальные тенденции революции 18 марта. Все дело сводится как будто к борьбе за республику и муниципальную автономию Парижа. Быть может, этим и объясняется тот факт, что среди примкнувших к федерации клубов нет одного из важнейших пролетарских клубов, — батиньольского клуба Социальной Революции.

7 мая клуб уроженцев департамента Юры обсуждал редакцию письма, с которым решил обратиться к президенту Национального Собрания Гриви. «Будучи одним из виновников бомбардировки Парижа, этот депутат Юры заслуживает самого энергичного порицания. Избранный нами, как республиканец, как опора интересов народа,... он соглашается на меры, предназначенные к тому, чтобы уморить голодом жителей столицы».<sup>131</sup>

Другая департаментская организация, — республиканский союз уроженцев Роны, — собиралась в клубе Консерватории Искусств и Ремесел (Club des Arts et Metiers).<sup>132</sup>

Самой мощной клубной организацией эпохи был возникший одним из первых Коммунальный Клуб III округа в церкви св.Николая-на-Полях. Он издавал даже собственную газету под названием «Коммунальный Бюллетень», первый номер которой вышел 6 мая. Клуб управлялся комитетом из шести лиц, под председательством Бернара и при участии Ландека, бывшего эмиссара Коммуны в Марсели. Секретарь комитета Пэйзан был одновременно и секретарем редакции «Бюллетеня».<sup>133</sup>

«Граждане, — писал комитет в своем первом возвании, — только что совершилось событие большой революционной важности: население III округа взяло, наконец, в свои руки, чтобы вести там политическое воспитание народа, общественное здание, которое, до сей поры, служило лишь касте — прирожденному врагу всякого прогресса.

<sup>129</sup> «La Sociale», 6 мая 1871. «Le Cn du Peuple», 16 мая 1871.

<sup>130</sup> «Le Vengeur», 7 мая 1871.

<sup>131</sup> «Paris libre», 8 мая 1871.

<sup>132</sup> «Paris libre», 29 апреля 1871.

<sup>133</sup> «Bulletin Communal». Organe des Clubs, 6 мая 1871.

Коммуна своим появлением вернула гражданам все их права; пусть же они широко пользуются ими как для того, чтобы служить Коммуне, так и для того, чтобы, в случае надобности, напоминать нашим избранникам, что их мандат заключается в том, чтобы спасти родину, а значит действовать с необходимой энергией, отложив на время в сторону чрезмерное уважение к легальности, которая пойдет только на пользу реакции. «Герой Седана» не побоялся ведь, чтобы установить свою власть, трижды проклятую, выйти из рамок закона, чтобы вернуться к праву; ему удалось даже держать народ под своей пятой в течение двадцати лет; то, что этот человек сделал в дурных целях, может быть проделано и в хороших: выйти из рамок легальности для того, чтобы вернуться к справедливости.

К вам, граждане всех округов, обращаемся мы с этим призывом. Следуйте нашему примеру, открывайте коммунальные клубы во всех церквях: днем, там будут служить свои обедни попы, а вечером, вы будете заниматься воспитанием народных масс. Итак, за работу, и да здравствует Коммуна!»<sup>134</sup>

Это воззвание, расклеенное в виде афиши в момент возникновения клуба, было воспроизведено в № 1 «Бюллетеня».

Программа газеты определялась там следующим образом:

«Все важнейшие предложения, принятые публичными собраниями, будут публиковаться в Коммунальном Бюллетене, равно как и прения, которыми будет сопровождаться их обсуждение. В наиболее важные собрания мы будем посылать своих стенографов и призовем ораторов защищать наше дело. Об открытии новых клубов в церквях мы будем оповещать население путем афиш...»

Из этой программы видно, что «Коммунальный Бюллетень из органа одного клуба стремился стать информационным вестником всех клубов Парижа.

Цели клуба формулировались здесь следующим образом: «Коммунальный клуб имеет целью бороться с врагами наших коммунальных прав, наших свобод и республики; защищать права народа, давать ему политическое воспитание, дабы он мог управлять сам собою; напоминать нашим избранникам о принципах, если они их забудут, и поддерживать их во всем, что они предпримут для спасения республики; в особенности же провозглашать суверенитет народа, который никогда не должен отказываться от своего права контроля над действиями своих уполномоченных. Народ, управляй сам собою с помощью твоих собраний и газет; дави на своих представителей: они никогда не опередят тебя на революционном пути. Если твои избранники колеблются или останавливаются на полпути, толкай их вперед, чтобы достигнуть цели, к которой мы стремимся, т.е. к завоеванию наших прав, упрочению республики и торжеству справедливости. Да здравствует Коммуна!»<sup>135</sup>

Сохранился «проект устава» клуба. Так как он представляет большой интерес для быта эпохи, то мы позволим себе привести его полностью:

Ст. 1. Коммунальный Клуб Николая-на-Полях ставит себе задачу открывать или помогать гражданам других округов открывать церкви для народа, дабы он мог собираться в них по вечерам и обсуждать свои дела. Округ, который пожелает открыть свой коммунальный клуб, но встретит какие-либо препятствия, может обращаться в комитет (в доме № 86 по Севастопольскому бульвару). В тот же день им будет назначена особая делегация, которая на другой день откроет первое собрание клуба.

Ст. 2. Клуб избирает бюро на каждые пятнадцать дней, в составе председателя, двух товарищей председателя и генерального секретаря.

Ст. 3. Каждый гражданин, по предъявлении своей карточки избирателя, может записаться в члены клуба. Членский взнос составляет 50 сантимов в месяц. Каждые четверг и воскресенье в 2 часа дня в помещении школы члены клуба собираются в улице Омер.

Ст. 4. Членам клуба выдаются особые удостоверения личности, на которых ставится их подпись, подпись генерального секретаря и печать общества. Удостоверение может служить только тому лицу, которому оно выдано.

---

<sup>134</sup> Mur.Pol. II, 145.

<sup>135</sup> «Bulletin Communal». Organe des Clubs, 6 мая 1871.

Ст. 5. Члены общества, связанные чувством солидарности, всякую жалобу или обвинение, бросающие тень на одного из их коллег, примут во внимание только в том случае, если будут представлены доказательства.

Ст. 6. Они объединяются для того, чтобы добиться торжества Революции, и потому, если один из них изменит своему мандату, он беспощадно изгоняется из клуба.

Ст. 7. Своим девизом члены клуба избирают слова: Победить или умереть; они обязуются, в качестве новых миссионеров, проповедовать Революцию, не знающую ни передышки, ни перемирия, а также облегчать страдания своих братьев.

Ст. 8. Член клуба, который пропустит подряд три собрания, происходящие по четвергам и воскресеньям каждой недели, и не представит никаких уважительных причин, будет вычеркнут из списков.

Ст. 9. Согласно предложению, сделанному одним из членов клуба в заседании 4 мая 1871 г., гражданки допускаются в члены клуба, не имея, однако, права принимать участие в его дебатах; впрочем, все принятые решения будут доводиться до их сведения. Они тоже будут снабжены удостоверениями личности, подписанными генеральным секретарем. Эти удостоверения дадут им право на особые места в публичных собраниях, куда они захотели бы явиться.

Ст. 10. Всякая гражданка, которая своим поведением заставит членов клуба усомниться в ее нравственности, будет вычеркнута из списков и исключена из общества.

Ст. 11. Председатели и товарищи председателей всех собраний избираются из среды членов клуба и сменяются каждый день.

Ст. 12. Комитет приглашает всех делегатов, которым поручено препровождать в Коммуну резолюции публичных собраний, присоединяться к делегации Николая-на-Полях, которая каждый день в 2 часа пополудни отправляется в ратушу.

Ст. 13. Резолюции клубов, присоединенные к резолюциям Николая-на-Полях, будут помещаться в Коммунальном Бюллетене.

Ст. 14. Комитет заседает непрерывно.

Примечание: Все сообщения адресовать генеральному секретарю, гражданину, Пэйзану.<sup>136</sup>

Под рубрикой «Декреты Народа» «Коммунальный Бюллетень» печатал многочисленные резолюции, принятые и предложенные в заседаниях Коммунального Клуба Николая-на-Полях.

Недовольный нерешительной политикой Коммуны, клуб требовал от нее более активного содействия вновь возникающим клубам. «Принимая во внимание, что церкви, как коммунальные здания, принадлежат всем гражданам, общее собрание (Коммунального клуба Николая-на-Полях) требует, чтобы Коммуна особой заметкой в «Правительственном Вестнике» возвестила и поощряла открытие коммунальных клубов во всех округах Парижа. Оно настаивает в особенности на том, чтобы Коммуна не давала себя обойти проискам церковников и реакционеров и опиралась на народные общества, члены которых готовы пролить свою кровь за свободу и торжество революции». Это предложение Ландека было поддержано членами Коммуны Везинье и Жоаннаром. Последний заявил даже, что Коммуна собирается объявить церкви национальной собственностью и сдавать их в аренду с публичного торга.

28 апреля трехтысячное собрание единогласно приняло следующую резолюцию, предложенную Ландеком: «Принимая во внимание, что Коммуна не должна повторять ошибки правительства Трошю; что каждый гражданин, сражающийся на аванпостах, должен иметь в изобилии и пищу, и одежду; что защитники Коммуны состоят под ее особым покровительством; национальные гвардейцы 3 роты 88 маршевого батальона, расположенного на линии аванпостов у Нейи, поручают гражданину Ландеку представить вам (членам Коммуны, А.М.) мясную порцию, выданную человеку, который провел 24 часа в траншеях и целый день сражался с неприятелем; вы сами решите, достаточен ли этот рацион.

<sup>136</sup> «Bulletin Communal», 6 мая 1871.



Гвардейцы убеждены, что Коммуна не подозревает о проделках поставщиков и интендантов, которые требуют самого тщательного надзора. Опираясь на поддержку коммунального клуба в зале Николая-на-Полях, они (гвардейцы) требуют, чтобы виновники подобных действий были немедленно обнаружены и наказаны со всей строгостью».

Представить эту петицию в Коммуну собрание поручило генеральному секретарю клуба Пэйзану. Член Коммуны Режер, к которому он обратился, обещал ему немедленно переговорить об этом со своими коллегами.

Петиция эта очень характерна: она показывает, какие крепкие нити протягивались иногда между фронтом и тылом революционного Парижа, какие мелочи боевой жизни интересовали и волновали собиравшиеся по вечерам в клубах массы рабочих и ремесленников.

29 апреля заслушивается следующее предложение Пэйзана:

В виду краха всех попыток соглашения с версальским правительством, которое со дня на день усиливает свою жестокость в борьбе с Парижем, Коммуна должна декретировать, что все парижские депутаты в Национальном Собрании, которые в течение 24 часов с момента издания декрета не подадут в отставку, будут объявлены изменниками своей родине и поставлены вне закона.

Другое предложение Пэйзана: «Принимая во внимание, что гражданская война есть дело рук империи и ее приспешников, Парижская Коммуна декретирует: Все движимое и недвижимое имущество гражданских и военных сановников, начиная полковником и кончая маршалом, будет распродано в пользу вдов и раненых, пострадавших в эту войну».

В тот же день, по предложению гражданина Лорана (Laurent), клуб постановляет выразить единодушный протест против клеветнического письма священников церкви Николая-на-Полях, опубликованного в газете «Verite».

Гражданин Пэйзан приглашает комитет клуба и всех присутствующих собраться на другой день в 1 час дня для поднятия над церковью св. Николая красного знамени Коммуны.

«На следующий день, 30 апреля, в 2 часа дня десять тысяч граждан, собравшихся у церкви Николая-на-Полях, приветствовали знамя Коммуны, которое развевалось над церковью. Гремели трубы, барабаны били в поход, толпа была исполнена энтузиазма и встретила речь гражданина Ландека несмолкаемыми криками: Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика! Это торжество останется в летописях нашей революции».<sup>137</sup>

30 апреля единогласно принимается следующая резолюция, внесенная гражданином Сансом (Sans): предложить Коммуне декретировать и провести в жизнь следующие мероприятия: 1) восстанавливается закон великой французской революции о подозрительных; 2) организуются общинные собрания (assises communales), на которых избиратели всегда смогут потребовать отчета у своих уполномоченных; 3) «лишением гражданских прав \_ и права заниматься своей профессией карается всякий торговец, который прекратит свою торговлю по недостатку доверия к Коммуне»; 4) «всякий гражданин, который откажется защищать Республику с оружием в руках, подлежит расстрелу».

Гражданин Лоран вносит следующие предложения (которые тоже принимаются единогласно):

1) «Граждане, собравшиеся в зале Николая-на-Полях, требуют, чтобы Парижская Коммуна, по примеру Коммуны 1793 года, уделяла два часа в день петициям».

2) «Заявляют Коммуне, что ни один заключенный не должен быть выпущен на свободу или выдан версальцам до выдачи гражданина Бланки».

3) «Требуют, чтобы контрибуция пруссакам была уплачена деньгами и имуществом тех, которые бежали из осажденного Парижа и не захотели бороться за свободу».

4) «В виду громадного наплыва граждан в Клуб Николая-на-Полях, требуют безотлагательного открытия добавочного клуба в церкви св.Елизаветы».

Пэйзан предлагает придать в помощь Лорану делегацию из 15 членов клуба

<sup>137</sup> «Bulletin Communal», 6 мая 1871.

Николая-на-Полях.<sup>138</sup>

На этом заседание клуба закрывается.

1 мая, в 7 1/2 часов вечера, оно возобновляется. Член Коммуны Везинье проводит резолюцию, предлагающую Коммуне опубликовать в «Правительственном Вестнике» поименное голосование по вопросу о создании Комитета Общественного Спасения. (Коммуна исполнила эту просьбу.)

Гражданин Лео Жанен вносит предложение, чтобы все лица, которые, чтобы избежать службы в маршевых ротах, пролезли в офицеры и в унтер-офицеры резервных рот, были немедленно переведены в маршевые.<sup>139</sup>

Пятитысячное собрание принимает резолюцию, которую поручается представить в Коммуну присутствующему в заседании Везинье.

Резолюция требует немедленного созыва избирателей для выборов членов Коммуны в тех округах, где еще имеются вакансии (в том числе и в 111-м, где клуб, считая себя «представителем большинства избирателей», угрожает, в случае отказа со стороны Коммуны, самовольно созвать их); поздравляет Коммуну с принятием столь важной революционной меры, как учреждение Комитета Общественного Спасения, и «надеется, что она будет продолжать идти по этому революционному пути, который, один лишь, может спасти Республику»; просит Коммуну поместить в «Правительственном Вестнике» особую заметку, в силу которой гражданам разрешается «пользоваться по вечерам зданиями, предназначенными для культа, устраивая в них публичные собрания, где они могли бы разъяснять друг другу свои права и обязанности патриотов и следить за ходом общественных дел».

«Все эти проявления народной воли, выразившиеся в публичных собраниях, о которых мы упомянули, все эти резолюции, принятые такой массой голосов, суть несомненные доказательства жизненной силы и глубины революционных элементов, которые таятся в недрах народных масс», писала по поводу этого собрания газета «Paris libre».<sup>140</sup>

3 мая в заседании Коммуны вышеупомянутая резолюция была оглашена председательствующим Растулем, при чем Везинье заявил, что он просит отнестись к ней внимательно, хотя и не настаивает на немедленном ее рассмотрении, не желая нарушать порядок дня.<sup>141</sup>

Резолюцию заслонили другие, более насущные вопросы, и она осталась под сукном.<sup>142</sup>

Большой интерес представляет краткий отчет о заседании клуба Николая-на-Полях 14 мая, сохраненный для нас благодаря газете «Политическая и социальная революция»,

14 мая. Положение на фронте ухудшается со дня на день. Форты рушатся, и неприятельское кольцо все теснее сжимается вокруг Парижа. В речах клубных ораторов, сквозь оптимистические нотки, проскальзывает тревога за будущее. Все помыслы, все внимание направлено в одну точку, забота об укреплении тыла и усилении боеспособности фронта доминирует над всем остальным.

Единогласно принимаются следующие пять предложений, исходящих от гражданина Моро, гражданского комиссара при военном делегате Делеклюзе:

1. Для организации надлежащего контроля над выдачей жалованья национальным гвардейцам и борьбы с расхищением общественных денег, вводится смертная казнь для всех уличенных в хищениях.

2. Порция вина, получаемая гвардейцами на фронте, удваивается; но зато закрываются все походные лавочки, торгующие вином. Для борьбы с пьянством в тылу устанавливается строгий надзор над заведениями, торгующими напитками.

---

<sup>138</sup> Ibidem.

<sup>139</sup> «Bulletin Communal», 6 мая 1871.

<sup>140</sup> «Paris libre», 4 мая 1871.

<sup>141</sup> «Journal officiel», 5 мая 1871.

<sup>142</sup> Не имело успеха и предложение Андриё (высказанное в заседании Коммуны 8 мая) — привлечь клубы к работе по обороне, возложив на них дело организации и снабжения тыловых частей национальной гвардии («Journal officiel», 9 мая 1871).

3. Категорически воспрещается пропускать женщин в район фортов, траншей и аванпостов, за исключением тех случаев, когда они имеют при себе специальное разрешение. Женщины зачастую заменяют мужчин в роли шпионов.

4. Жалованье национальным гвардейцам, находящимся на фронте, устанавливается в 50 сантимов на личные расходы, не считая пайка и двойной порции вина; жены будут получать 1 фр. 75 сантимов в день.

5. Деревни, в районе которых завяжется бой, будут немедленно эвакуироваться местным населением для занятия их национальной гвардией.

Затем начинается дискуссия по вопросу о том, нужно ли закрыть выходящие в Париже газеты. Дискуссия вызвана чтением одной статьи из газеты «Республиканец». Мнения разделяются. Одни ораторы стоят за полное закрытие газет, другие — за частичное; есть и такие, которые предлагают ограничиться одной официальной газетой. Гражданин Люц требует не только полного упразднения газет, исключая официальную, но также и запрещения афиш.

Гражданин Бернар, председатель клуба, против огульного запрещения газет, так как они приносят свою пользу, информируя массового читателя о событиях. «Нужно закрыть такие газеты, как «Авангард», и дать возможность выходить газетам Коммуны, которые поднимают дух у готовых впасть в уныние».

Гражданин Люц: «Наш уважаемый председатель, гражданин Бернар, не отдает себе отчета в том, что происходит. Мы переживаем горячее время; газеты, запрещенные утром, вечером выходят под другим названием. Будьте революционными до конца или вы погибнете. Вот каково положение».

Гражданин Пэйзан: «Граждане, у меня есть для вас хорошая новость. Один из офицеров штаба 3 легиона только что сообщил мне следующее: 144-й батальон 3-го округа обратился к начальнику легиона с просьбой отправить его в бой; об этом просят запасные части батальона, которые горят желанием сразиться с врагом. (Аплодисменты.) Я надеюсь, что этому примеру последуют все округа».

Гражданин Амуру, член Коммуны: — Тьер в своем циркуляре заявляет, что не пройдет и восьми дней, как он будет хозяином Парижа и Республики. Не видя возможности победить Париж силою оружия, он хочет взять его золотом и изменою. Следствием обнаружено 80 тысяч трехцветных нарукавников, которые должны были нацепить на себя реакционеры-заговорщики. «Пусть они попробуют только, — их трехцветным нашивкам мы противопоставим наше красное знамя, знамя Коммуны! Нам угрожала измена, захват города; изменники арестованы. Тюрьмы существуют не для собак; мы сидели в них, мы, — республиканцы; пусть посидят теперь в них реакционеры!..

Если Париж победит, исчезнут постоянные армии. Нынешняя борьба, это — борьба реакции против партии республиканцев,

Если реакция утвердится во Франции, через два-три года неизбежна новая война. Нужно помешать этой войне, нужно положить конец этим братоубийственным схваткам народов. От Парижа зависит дать перевес справедливости в жизни народов.

Париж-победитель скажет Европе: Мы не хотим больше войн, мы проливали нашу кровь во имя человечества, чтобы уничтожить тиранов, которые нас угнетали. Тот, кто захочет войны, будет уничтожен во имя человечества... Если же Париж будет побежден, царство тиранов возобновится.

Париж-победитель скажет Европе: Мы боролись несколько недель, чтобы помешать войнам, которые могут длиться месяцы и годы.

Мулен-Сакэ сдан версальцам командиром 55 батальона, оказавшимся изменником. Такая же вещь должна была случиться и с редутом Hautes-Brueres, который должен был быть сдан версальцам, как и Мулен-Сакэ. Изменник, принадлежавший к 184 батальону, дезертировал в 11 часов утра. Вот что удалось узнать о нем: Покинув свой пост, он направился в Э (Нау), где давал указания версальцам. «Меня вынудили, — оправдывался он, — указать им, каким путем можно проникнуть в редут». Он был задержан в траншее в крестьянской одежде» предстал пред военным судом, составленным из десяти офицеров, и приговорен к смертной казни.

Я счел своим долгом присутствовать при совершении казни. Чтобы Коммуна могла победить, чтобы красное знамя, знамя свободы восторжествовало, необходимо уважать и заставить уважать правосудие. Разрушают особняк Тьера, и он не сможет более ночевать в нем. Он будет пригвожден к позорному столбу истории, и мы доживем до того момента, когда вся тяжесть совершенных им преступлений обрушится на него, когда здесь, в Париже, мы заклеим его раскаленным докрасна железом, как клеймят каторжников.

Нашей борьбой мы покажем, что, если и удалось тайком продать нашу честь, то купить ее у нас не удастся. Граждане, настал день, когда народ должен приказывать, а Коммуна — повиноваться. Пусть народ громко заявит: я не хочу погибать! Сила в руках народа. Ваши уполномоченные должны быть простыми исполнителями вашей воли. В ближайшие же восемь дней Париж должен стать победителем и уничтожить Версаль! Да здравствует Коммуна! да здравствует Республика!»

Гражданин Ландек: «В виду недостатка ораторов, было условлено, что те из них, которым придется выступать в нескольких клубах за один вечер, будут иметь слово первые; наш председатель забыл об этом.

Я хочу дать вам отчет о пожертвованиях, собранных для 54, 154, 58 и 47 батальонов. Мы внесли пожертвований, соломой и другими видами натуральной помощи, на общую сумму в 497 франков. Мы счастливы, что можем помогать нашим братьям по оружию; надо только подумать о том, чтобы усилить приток пожертвований.

Вы слышали речь гражданина Амуру? Может ли говорить иначе человек с революционным темпераментом?

...Если бы 18 марта вы поднялись, как один человек, в тот же вечер мы были бы в Версале, и все было бы кончено; но время еще не ушло. У нас достаточно национальных гвардейцев, сердца которых бьются за свободу. Нужно победить или умереть... Это — единственный способ искупить позор двадцатилетнего рабства...» Заседание закрывается при криках: да здравствует Коммуна!<sup>143</sup>

Особенно многолюдным было собрание клуба Николая-на-Полях вечером 15 мая. По словам «Правительственного Вестника», на нем присутствовало до 6000 граждан. Единогласно была принята резолюция, прошедшая накануне в клубе церкви св.Евстафия. Резолюция предлагала Коммуне следующие мероприятия:

1. Все запасные батальоны национальной гвардии, равно как и те из маршевых батальонов, которые отдыхают уже по меньшей мере два дня, должны в 48-часовой срок закончить возведение баррикад, уже находящихся в постройке. Сверх того, в трехдневный срок они должны обнести укреплениями, на расстоянии одного километра от линии городских стен, всю ту часть города, которая тянется от ворот Сент-Уана до ворот Монружа. К работам должны быть привлечены и мальчики от 12-ти до 18-ти лет.

2. Все жены городских, жандармов и чиновников различных ведомств, бежавших от революции, изгоняются из Парижа, как лишние рты, в 24-часовой срок.

3. Потребовать у версальцев именного списка пленных национальных гвардейцев, с указанием места их заключения, а также и раненых, умерших от полученных ран в Версале.

4. Все домовладельцы или их представители должны в 24-часовой срок выдать жильцам расписку в получении квартирной платы за истекшие сроки, а также за следующие сроки, июльские и октябрьские. Жильцы, квартирная плата которых не достигает 500 франков, совершенно освобождаются от уплаты; а платящим свыше 500 фр. она сокращается на Vg.

После принятия этой резолюции, выступает гражданка Полина Менк, только что прибывшая из провинции. Основываясь на своих личных впечатлениях, а также на некоторых привезенных ею документах, она утверждает, что коммунальное движение принимает в провинции широкие размеры и проникает даже в деревни, где налицо определенные симпатии к Парижу и восхищение его героизмом; в иных местах женщины настроены еще более революционно, чем мужчины.

<sup>143</sup> «La Revolution politique et sociale», 16 мая 1871 (numero specimen).



Один из делегатов XI округа говорит о необходимости более тесного объединения клубов и создания центрального комитета парижских клубов, который собирал бы все предложения, высказываемые в отдельных собраниях, для их обсуждения и передачи в Коммуну.<sup>144</sup> (По-видимому федерация клубов, возникающая, как мы отмечали выше, в начале мая, либо распалась, либо, не будучи достаточно авторитетной, не сумела распространиться на весь Париж.)

«Народ никогда не отчуждает вполне своего суверенитета; поэтому крайне желательно, чтобы его властный голос звучал достаточно громко и возможно чаще» — писал редактор «Политической и социальной революции» Ж.-Ж.Дандюран — «...для этого мы будем отводить в «Революции» достаточно места отчетам о заседаниях клубов, открывающихся в Париже, уделяя особое внимание женским клубам».<sup>145</sup>

Особенно интенсивной становится жизнь клубов к середине мая. Возникает и ряд новых клубов, как, например, клуб Братства в XIII округе, клуб Пролетариев в церкви св. Амвросия (в XI округе), клуб Маргариты в церкви св.Маргариты (тоже в XI округе), клуб в церкви Сен-Сюльпис, где религиозная служба вовсе приостановилась.<sup>146</sup>

17 мая газета Феликса Пиа сообщала, что «большинство Коммуны решило образовать центральный клуб, подобный якобинскому (времен первой революции), составленный из делегатов от всех клубов Парижа. Этот клуб будет находиться в постоянном общении с большинством Коммуны, которая у него будет черпать общественное мнение».<sup>147</sup>

Наряду с регулярно действующими клубами, время от времени созывались по разным поводам открытые народные собрания, как, например, «большое публичное заседание» в театре Шатлэ, 14 мая, где в порядке дня стояло: «Париж и Версаль. — Коммунальные свободы. — Церковь и Государство. — Постоянные армии и национальная милиция».<sup>148</sup>

По инициативе парижских делегатов Комбо и Файе, в прилегающем к Парижу Венсенне возникает клуб под названием «Республиканский Союз Венсенна и Сент-Мандэ», который немедленно приступает к перевыборам венсеннского муниципалитета и мэра, ведущего крайне двусмысленную политику по отношению к Парижу в ожидании победы Версаля.<sup>149</sup>

13 мая двухтысячное собрание в клубе Сен-Северин, под председательством делегата Центрального Комитета 20-ти округов, Троеля, единогласно принимают следующую резолюцию:

1) Немедленное закрытие ворот Парижа, а также всех мастерских, кроме работающих на оборону. Арест всех женщин, причастных к старой полиции.

2) Ультимативное требование версальскому правительству вернуть Коммуне Бланки в 48-часовой срок; в противном случае — немедленный расстрел архиепископа.

3) Облава на дезертиров во всех округах одновременно; отправка задержанных на фронт.<sup>150</sup>

Не менее радикальные решения принимает клуб Революции, собирающийся в церкви Бернар, по улице Аффра (XVIII округ). 10 мая три тысячи граждан, собравшихся в этом здании под председательством некоего А.Берара, требуют:

1) уничтожения старой бюрократии и упразднения кодексов; назначения особой юридической комиссии для выработки законов, соответствующих духу новых учреждений и стремлений народа;

<sup>144</sup> «Journal officiel», 16 мая 1871.

<sup>145</sup> «La Revolution politique et sociale», 16 мая 1871 (numero specimen).

<sup>146</sup> «La Sociale», 14 мая. «Le Proletaire», 19 мая. «Le Vengeur», 19 мая 1871. См. интересное описание заседания «клуба Республики» 6 мая в дневнике очевидца, венского журналиста W.Lauser'a («Unter der Pariser Commune». Leipzig 1878. SS.279—283).

<sup>147</sup> «Le Vengeur», 17 мая 1871.

<sup>148</sup> «Le Vengeur», 14 мая 1871.

<sup>149</sup> «La Commune», 16 мая 1871.

<sup>150</sup> «Paris libre», 16 мая 1871.

2) упразднения культов и немедленного ареста попов, как сообщников монархистов, виновников настоящей войны; продажи их имущества, движимых и недвижимых, равно как и имущества предателей, поддерживающих «версальских негодяев»; вырученные от продажи деньги будут распределены между «защитниками права»;

3) приостановки действия декрета о ломбарде и замены его следующим постановлением: вещи, заложенные в ломбарде, выдаются бесплатно, но только защитникам города, а также матерям, дочерям, сестрам, женам и подругам (*epouses et femmes*) граждан, павших на фронте. Всякое лицо, предъявившее чужую квитанцию, подвергается штрафу или аресту, а квитанция конфискуется;

4) уничтожения домов терпимости;

5) передачи заказов и работ, предпринимаемых Коммуной, различным рабочим корпорациям;

6) казни одного «серьезного заложника» каждые 24 часа, впредь до освобождения и возвращения в Париж гражданина Бланки, избранного членом Коммуны.

Для «обсуждения устава и окончательной организации клуба» члены последнего приглашались на частное закрытое собрание в воскресенье, 24 флореаля (13 мая).<sup>151</sup>

Комитет по организации «клубов пролетариев» в XI округе издавал свою газету под названием «Пролетарий» («*Le Proletaire*»), «орган социальных требований». «Клубы Пролетариев, — писал один из членов комитета, Давид, — «учреждаются для самовоспитания народа. Для этого мы сочли своим долгом основать газету того же наименования, т.е. «Пролетарий», чтобы дать возможность тем, которые не могут объясняться с высоты трибуны, излагать свои мысли на бумаге. Весь чистый доход с газеты будет вноситься в кассу анкетной комиссии помощи раненым 11-го округа».<sup>152</sup>

К середине мая, благодаря стараниям комитета, на территории округа функционировало два пролетарских клуба, — один в церкви св. Амвросия, другой в церкви св. Маргариты. Последняя была уступлена духовенством не сразу. Когда члены комитета явились в ризницу для переговоров, священники заявили, что не допустят, чтобы церковь была «осквернена каким-то клубом пролетариев», на что был дан ответ, что «пролетарии отнюдь не грязнее ханжей обоего пола». Продолжая упорствовать, главный викарий отправляет письмо-жалобу в местную мэрию, в надежде, что ее делегаты не допустят захвата церкви. Однако, из мэрии был получен следующий ответ, решивший спор за обладание церковью: «Комитет Общественного Спасения разрешил Клубу Пролетариев вести заседания в церкви Амвросия; по просьбе гражданина Coindat, делегата названного клуба, мы разрешаем народу собираться ежедневно, начиная с 7 часов вечера, в церкви Маргариты, расположенной на улице Бернар. — Член Коммуны, уполномоченный XI-го округа, А.Мортье».

В тот же день (14 мая), в 5 1/2 часов вечера, церковь была занята членами комитета, кафедра украшена красным знаменем и превращена в трибуну для ораторов. Бюро клуба составилось из председателя Филиппа, члена Коммуны от XI округа, и двух товарищей, Давида и Байяша. Заседание открылось при криках: да здравствует Коммуна! Председатель и члены бюро в кратких словах изложили программу и цель, которые ставит себе комитет по организации клубов пролетариев в XI округе. Первое заседание продолжалось не более получаса.<sup>153</sup>

Сохранилось два, интересных в бытовом отношении, письма, которыми обменялись второй викарий церкви Маргариты Деспортер и гражданин Давид, член бюро клуба этой церкви. Вот текст первого письма:

«Второй викарий просит гражданина Давида, делегата клуба пролетариев, не отказать, во исполнение своего вчерашнего обещания, лично переговорить с органистом по вопросу о плате, а также со служащим, ведающим лампами, относительно расходов на освещение. Привет и братство. — Деспортер, второй викарий. — Париж, 16 мая 1871 г.».

<sup>151</sup> «*Le Cri du Peuple*», 15 мая 1871.

<sup>152</sup> «*Le Proletaire*». *Organe des revendications sociales*. (11-e Arrondissement), 15 мая 1871, № 2.

<sup>153</sup> «*Le Proletaire*», 19 мая 1871, № 3.

Ответ Давида гласил: «Гражданину викарию церкви Маргариты, в улице Бернар. Сим уведомляю о получении вашего письма от сего числа. Вы просите меня переговорить с органистом и ламповщиком, напоминая мне о записке, которую я вам вчера переслал. Гражданин викарий, вы можете уверить этих граждан, что то, что я им обещал, будет уплачено. В частности, что касается органиста, то лишь при условии, если он предоставит себя в распоряжение бюро и будет играть патриотические гимны. Пусть оба гражданина соблаговолят, каждый для себя, составить смету того, что мы, по их мнению, должны им; уплата будет произведена незамедлительно. Республиканцы никого не заставят работать безвозмездно, как бы ничтожна ни была исполняемая им работа. Привет и равенство. — Давид. — Париж, 17 мая 1871 г.»<sup>154</sup>

22 флореаля (11 мая) состоялось шестое собрание клуба Амвросия. Присутствовало тысяча мужчин и до 3000 женщин. Перед открытием заседания m-lle Летан поет Марсельезу, которую подхватывает церковный орган, руководимый гражданином Летан. Заседание открывает председатель последнего собрания, гражданин Андрэ. В президиум избираются: Давид (председатель), Андрэ и Байяш (товарищи председателя), гражданка Летан (секретарь). Порядок дня: воспитание народа народом (education du peuple par le peuple). 18 ораторов выступают по порядку дня. Сделанные сообщения исторгают у собрания бурю аплодисментов. Особенный энтузиазм вызывает сообщение о разрушении дома Тьера и о муниципальных выборах в провинции. Известия, полученные из Версаля, говорят о полном разложении армии; офицеры заявляют, что если в ближайшие дни они не будут в Париже, они оставят своих солдат и разойдутся по домам. Это сообщение вызывает громкий смех аудитории. Заседание закрывается в 11 часов 10 минут.<sup>155</sup>

Клуб Социальной Революции в заседании 25 флореаля принимает текст обращения к муниципалитету XVII округа, в котором указывается на возмутительное пренебрежение, с которым врачебный персонал национальной гвардии, не в пример офицерам и гвардейцам, встречает гражданок, предлагающих свои услуги для подачи первой помощи раненым на поле сражения.

«Клуб заявляет, что отказываться от содействия этих храбрых и преданных патриотов значит наносить грубое оскорбление чувству человечности, особенно в такой момент, когда бойцы горько жалуются, как и при старом режиме, на малодушие медицинского персонала и недостаток санитаров.

Сверх того, клуб требует, чтобы муниципалитет и начальник легиона дали знать каждому батальону, что гражданками устроены и обслуживаются походные кухни для приготовления горячей пищи нашим доблестным национальным гвардейцам.

Клуб выражает свое возмущение неприязнью, проявляемой некоторыми батальонными командирами по отношению к этим храбрым дочерям народа».

Декларация подписана членами комитета клуба, Жюлем Сассен, Комбо, К-гебером, Лескюром и Севэном (первые двое — члены Интернационала).<sup>156</sup>

В последних числах мая должен был появиться «Революционер» («Le Revolutionnaire»), орган Комитета 20-ти округов, центрального клуба Парижа и публичных собраний; секретарем редакции намечался Эжен Шатлэн, секретарь Центр. К-та 20-ти округов.<sup>157</sup>

Газета «Трибун Народа» приглашала председателей клубов ежедневно сообщать в редакцию порядок дня заседаний и, по возможности, присылать отчеты о работе клубов для напечатания их в газете.<sup>158</sup>

Клубы откликаются на все события дня. В церкви Сен-Сюльпис собирают пожертвования в пользу пострадавших от взрыва на патронной фабрике улицы Рапп<sup>159</sup>; в церкви Сен-Северин гражданин Пакотт рассказывает, что одна женщина, раненая на аванпостах и находящаяся на излечении в госпитале Hotel-Dieu, на свой вопрос, долго ли

<sup>154</sup> «Le Proletaire», № 3, 19 мая 1871.

<sup>155</sup> «Le Proletaire», № 2, 15 мая 1871.

<sup>156</sup> «Le Cri du Peuple», 20 мая 1871.

<sup>157</sup> «Paris libre», 20 мая 1871.

<sup>158</sup> «Le Tribun du Peuple», 21 мая 1871.

<sup>159</sup> «Le Vengeur», 21 мая 1871.

ей осталось жить, получила от доктора Мэзон-Нёв следующий ответ: — «Нет, не долго, но раньше наши храбрые солдаты (он говорил про версальцев) успеют уничтожить батальон, в котором служит ваш муж и вся эта инсургентская сволочь!»

Клуб избирает трех делегатов, которые вместе с гражданином Пакотт отправляются в госпиталь, чтобы проверить достоверность этого происшествия. Когда оно подтверждается, зала, охваченная негодованием, единогласно постановляет, что имя негодяя-врача будет выставлено в газетах на общественный суд, и немедленно сообщено Коммуне.<sup>160</sup>

19 мая, в заседании Коммуны, Мортье, выражая мнение группы воинствующих атеистов-бланкистов, заявил: «...Если бы комиссия общественной безопасности распорядилась очистить или закрыть все церкви Парижа, она только предупредила бы мои желания. Я возразил бы только против полного закрытия этих домов, так как хотел бы видеть их открытыми, чтобы проповедь атеизма свободно лилась в них, уничтожая с помощью науки старые предрассудки, которыми шайка иезуитов сумела забить мозги невежественных людей».<sup>161</sup>

Это заявление, сделанное за два дня до вступления версальцев в Париж, можно рассматривать, как официальное признание того, что антирелигиозная пропаганда велась недостаточно энергично и далеко не была главной темой клубных речей и дискуссий.

Ниже мы увидим, какое видное место занимала проповедь атеизма и антиклерикализма в женских клубах эпохи.

## ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В последние дни Коммуны Феликс Пиа писал в своей газете: «Я видел три революции, но в первый раз вижу, чтобы женщины, женщины и дети бросались в нее с такой решительностью. Происходящая революция, видимо, более, чем все прежние, близка им; защищая ее, они борются за свое собственное будущее». И дальше: «Коммунальная революция социальна в полном смысле этого слова. Почему? Потому, что она провозглашает право на труд. А какой может быть труд, если нет семьи, и какая может быть семья, если нет, не скажу женщины, но женщины-супруги! ...Христианство видит в женщине не столько жену, сколько рабыню; и только социализм может обеспечить ей обладание всеми правами, свободу и достоинство,... брачный договор, основанный на взаимных обязательствах и равенстве обеих договаривающихся сторон... Чувствуя это инстинктивно, они (женщины) берутся за кирку и строят баррикады, чтобы затем защищать их с ружьем в руках».<sup>162</sup>

«Они поняли, — говорит Бенуа Малой, — что содействие женщины необходимо для торжества социальной революции, вступившей в свой боевой период; что женщина и пролетарий, эти последние угнетенные слои старого общества, могут надеяться на свое освобождение, лишь тесно сплотившись против всех форм прошлого...»<sup>163</sup>

Что же сделала Коммуна для социального раскрепощения женщины? Декрет 11 апреля, назначавший пенсию вдове и детям национального гвардейца, «погибшего в борьбе за права народа», не делал различия между «законными» и «незаконными» женами и детьми.<sup>164</sup> «В наши дни этот принцип кажется бесспорным, но иначе обстояло дело 50 лет тому назад: так, правительство национальной обороны выдавало пособия лишь «законным» женам гвардейцев, и уничтожение этого разграничения является крупной заслугой Коммуны».<sup>165</sup>

<sup>160</sup> «Le Vengeur», 21 мая 1871.

<sup>161</sup> «Journal officiel», 20 мая 1871.

<sup>162</sup> «Le Vengeur», 24 мая 1871.

<sup>163</sup> В.Малон. «La Troisième défaite du prolétariat français». Neuchâtel 1871; p.272.

<sup>164</sup> «Journal officiel», 11 апреля 1871. Mur. Pol. II, 524.

<sup>165</sup> Лукин. «Парижская Коммуна 1871 года». Москва 1922; стр.255. — «Pere Duchene» с восторгом приветствовал этот декрет, как разрыв с «нелепыми предрассудками», и поздравлял членов Коммуны с «богатой идеей», в нем выраженной (№ 28 от 23 жерминаля—12 апреля).



«Для освобождения женщины, для поддержания ее достоинства эти шесть слов декрета Коммуны сделали больше, чем любой из моралистов и законодателей прошлого», — замечает Арну: «...К этому декрету, вотированному всей Коммуной, повторяю, без всяких возражений, и вотированному, я могу прибавить, с радостью, была присоединена лишь одна поправка, которой требовало тогдашнее состояние нравов: было решено, что комиссия, созываемая в каждом округе под председательством члена Коммуны, должна произвести расследование, устанавливающее, что незаконная жена отнюдь не являлась простой проституткой, случайной связью, но действительно честно жила с мужчиной, которого она избрала».<sup>166</sup>

Коммуна подходила к женскому вопросу и в других декретах. Председателю вновь организованного гражданского трибунала было предоставлено назначать женщине, требующей развода, временную, впредь до окончательного решения суда, пенсию на прожитие, чем значительно облегчались трудности развода.<sup>167</sup>

Принимая энергичные меры для борьбы с проституцией, окружные муниципалитеты открыто заявляли, что проституция вытекает из безработицы и недостатка образования, тесно связанных со всем социальным механизмом старого строя, а потому «единственным лекарством против проституции» является «разумная организация женского труда». Закрытие публичных домов и запрещение уличной проституции под угрозой ареста мотивировались необходимостью, «несмотря на естественное чувство сострадания, вызываемого к себе бессознательными жертвами проституции», «теперь же принять меры к охране нравственности молодого поколения, избавив его от выставляемого напоказ порочного зрелища». Уничтожение «коммерческой эксплуатации одних человеческих существ другими» и «прекращение позорной торговли живым товаром» объявлялось очередной задачей дня.<sup>168</sup>

В заседании Коммуны 17 мая Везинье предложил (в отмену закона 18164'.) узаконить всех детей, признанных их родителями, непризнанных — усыновить Коммуне, а также ввести свободный гражданский брак, основанный на взаимном согласии, — брак для мужчин, достигших 18-летнего, а женщин — 16-летнего возраста. Издать соответствующий декрет Коммуна не успела.<sup>169</sup>

В декрете об увеличении жалования учителей учительницы уравнивались с учителями, тогда как до Коммуны женщины-преподаватели оплачивались несравненно хуже мужчин.

Все эти меры, вместе взятые, дают право Арну утверждать, что «никогда не было сделано так много для того, чтобы возвысить женщину, никогда не ставили ее более решительно на равную ногу с мужчиной», как во время Коммуны, и что «ни одно правительство, ни одна революция так искренно братски не протягивали руку женщине, как Парижская Коммуна, социальная революция 18 марта».<sup>170</sup>

Лиссагарэ в восторженных выражениях рисует «храбрую, настоящую парижанку» 1871 г. «Наглые существа, недостойные названия женщины, порожденные грязью империи, последовали за своими клиентами в Версаль или начали разработку золотосодержащей прусской жилы в Сен-Дени. Та, которая осталась на мостовой теперь, — сильная, преданная, трагическая женщина, умеющая умирать так, как она любит, дитя той чистой и благородной струи, которая с 89 года бьет живым ключом в народных глубинах. Товарищ в труде, она хочет разделить и смерть».<sup>171</sup>

Она не удерживает своего мужа, наоборот, — побуждает его сражаться, носит ему в траншеи белье и суп, как прежде носила в мастерскую.

© А.И.Молок

ОЧЕРКИ БЫТА и КУЛЬТУРЫ

ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

Vive Liberta

<sup>166</sup> А.Арну. «Народная история Парижской Коммуны». Петроград 1919; стр.159—160.

<sup>167</sup> «Journal officiel», 13 мая 1871.

<sup>168</sup> «Journal officiel», 18 мая 1871. См. также «Journ. off.» 11 и 19 мая, и М.Р. II, 465, 546.

<sup>169</sup> Q.Bourgin. «Histoire de la Commune» (Paris, 1907); p.106.

<sup>170</sup> Арну, op.cit., стр.160.

<sup>171</sup> Лиссагарэ. «История Коммуны» (изд.Глаголева); стр.177.

Она предлагает свои услуги Коммуне, требует оружия и боевых постов, возмущается трусами. Как характерно, например, следующее письмо, адресованное одной женщиной Росселю 4 мая, в бытность его военным делегатом: «Гражданин! Первейшей обязанностью всякого правительства должно быть — заставить исполнять свои декреты; если у него не хватает на это твердости, противники начинают пользоваться его слабостью, а сторонники, даже самые горячие, падают духом. Эта картина наблюдается сейчас. Цвет республиканцев проливает свою кровь, в то время как масса здоровых мужчин плюют на декреты и не только преспокойно занимаются своими личными делами, но даже позволяют себе подсмеиваться над бойцами. Если такое положение вещей продолжится еще несколько дней, Коммуна останется без защитников. Она не должна будет этому удивляться, так как сама будет виной этому. Да, гражданин, если я пишу вам эти строки, то потому, что, в подтверждение своих слов, могу представить доказательства. Мой муж служит в 7-й маршевой роте 141-го батальона, она находится на форте Исси с воскресенья 30 апреля и сражается там за наши права. Я не жалею об этом, напротив, — я сама побудила его к этому, так как это его долг. Вот почему у меня сердце обливается кровью, когда я вижу, что сражается только тот, кто хочет. Трусы и дезертиры остаются безнаказанными. Часть батальона уже разбрелась по домам, покину в малодушно своих товарищей, оставшихся верными своему посту. Это не мешает им, однако, получать все виды довольствия, положенные национальным гвардейцам. Гражданин делегат! это не донос, нет, — я далека от подобной мысли — но, как гражданка, я опасюсь того, что слабость членов Коммуны убьет в зародыше все наши проекты будущего. По мнению всех бойцов, Коммуна должна, возможно скорее, взять на учет все население и немедленно мобилизовать всех здоровых граждан. Пусть же Коммуна действует в этом направлении; храбрецы, чувствуя за собой поддержку, удвоят свою энергию, и все будет спасено».<sup>172</sup>

Талантливейший публицист эпохи, социалистка Андрэ Лео (г-жа Шампсэ) горячо убеждала военного делегата воспользоваться «святым огнем, которым горят сердца женщин»:

«... В настоящее время, когда Париж далеко не изобилует бойцами, когда храбрейшие из них гибнут ежедневно в неравной борьбе,... когда дело справедливости во всем мире тесно связано с судьбой Парижа, содействие женщин становится необходимым. Они должны дать сигнал к одному из тех высоких порывов, которые увлекают за собой всех колеблющихся и опрокидывают всякое сопротивление... Пусть же они на деле вмешаются в борьбу, в которой участвуют уже душой. Многие этого жаждут и многие на это способны. Луиза Мишель, г-жа де Рошбрюн и многие другие уже подали пример и составляют предмет гордости и восхищения своих братьев по оружию, которые сражаются теперь с удвоенной энергией. Когда дочери, жены, матери будут биться бок о бок со своими сыновьями, мужьями, отцами, тогда Париж будет охвачен настоящей страстью к свободе, подобной горячке. И солдаты, уже поколебленные, которых питают обманами и клеветой, будут вынуждены признаться, что перед ними — не горсть мятежников, а целый народ, восставший против ненавистного гнета, — народ, который, в лице своих женщин и мужчин, ищет свободы или смерти, и дети которого, рожденные от родителей, одушевленных подобной страстью, вырастут готовыми к мести.

Конечно, не все женщины могут помогать бойцам, деля с ними их труды, но все, кроме разве молодой матери, бодрствующей над колыбелькой своего ребенка, могут оказывать деятельную поддержку нашим батальонам в их героической борьбе». Люди, находящиеся на фронте, терпят страшную нужду, голод и всевозможные лишения. Подача помощи раненым поставлена неудовлетворительно; питание из рук вон плохое. «Я видела у ворот Майо батальон, который провел три дня в непрерывных боях вне городских укреплений; он не имел другой пищи, кроме хлеба и сырого сала...

---

<sup>172</sup> Dauban.«Le Fond de la societfcsous la Commune». Paris, 1873;p.205—206.

Разве не обидно, что храбрецы, героизм которых возбуждает в нас восхищение и которые имеют право рассчитывать с нашей стороны на самую горячую благодарность, в двух шагах от нас терпят нужду во всем необходимом? И найдется ли среди тех, в ком бьется сердце гражданки, такая, которая не сочтет за честь служить им? Нет, наши женщины исполнены добрых намерений, энтузиазма. Большинство из них страдает от своего бездействия. Им недостает только организации.

Пусть же генерал Кюзере немедленно откроет запись в трех бюро: вооруженного действия (action armee), помощи раненым, походных кухонь. Женщины будут толпами валить туда, счастливые, что могут использовать святой огонь, которым горят их сердца. А маленький историк, который атакует ныне великий город, вынужден будет добавить к написанным им главам истории следующий абзац:

«В то время Париж был охвачен такой неистовой страстью к свободе, праву, справедливости, что женщины сражались рядом с мужчинами, и в этом городе в два миллиона душ нашлось достаточно нравственных сил и энергии, чтобы уравновесить остальную Францию и сломить материальную силу двух армий».<sup>173</sup>

11 апреля группа гражданок (un groupe de citoyennes) опубликовала следующее «воззвание к парижским гражданам»:

«Париж подвергнут блокаде; Париж бомбардируется.

Гражданки, где же наши дети, наши братья и мужья?.. Слышите вы рев пушек и призывный звон набата?

К оружию! Отечество в опасности.

Что это, или чужеземец опять хочет покорить Францию? Или союз европейских тиранов шлет свои легионы, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив даже память о бессмертных победах, купленных целым столетием крови, победах, имя которым — свобода, равенство и братство?

Нет, эти враги, эти убийцы народа и свободы — французы!

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, эта смертельная борьба — финал вечного антагонизма между правом и силой, трудом и эксплуатацией, народом и его палачами.

Наши враги, это — привилегированные существующего социального строя, те, которые жили нашим потом и жирели нашей нуждой...

На их глазах народ восстал, заявляя: «нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей... Мы хотим работы, но мы хотим сами пользоваться ее плодами... Не надо эксплуататоров, не надо хозяев... Пусть работа будет для всех источником благосостояния, — пусть народ сам будет правительством-Коммуной, будем жить и работать свободными, или — умрем сражаясь...»

И вот страх предстать перед народным трибуналом толкнул наших врагов на величайшее вероломство — на гражданскую войну.

Гражданки Парижа, потомки женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели пленного Людовика XVI, мы, — матери, жены и сестры французского народа, — допустим ли, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец восстал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга у нас на глазах по прихоти наших притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающих уничтожить его?

Гражданки, настал решительный час. Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните, не только одна Франция поднимается, глаза всего цивилизованного мира направлены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы освободиться в свою очередь. Даже Германия, та самая Германия, королевские армии которой опустошали нашу родину, обрекая на смерть наши демократические и социалистические принципы, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже шесть месяцев как она объявлена на осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России, в то время как правительство уничтожает защитников свободы, на смену им появляется новое поколение, также готовое на смерть биться за Республику и обновление социального строя.

---

<sup>173</sup> «La Sociale», 12 апреля 1871.

Ирландия и Польша умирают, чтобы возродиться с новой энергией; Испания и Италия вновь нашли утраченную мощь и присоединились к интернациональной борьбе народов; в Англии вся пролетарская, живущая одним заработком масса, уже в силу своего социального положения, переходит на сторону революции; в Австрии правительство принуждено подавлять восстание одновременно и целой страны и славянских княжеств.

Не указывает ли это вечное столкновение между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века увлажняемое потоками крови, принесло, наконец, плоды?

Гражданки, перчатка брошена, мы должны умереть или победить. Пусть женщина, думающая: «что мне в торжестве нашего дела, если я потеряю тех, кого люблю», — поймет, что есть только один путь спасти дорогих ей людей, мужа, поддерживающего ее, или сына, в котором она видит всю свою надежду. Этот путь — принять деятельное участие в завязавшейся борьбе. Надо навсегда прекратить эту братоубийственную борьбу, а она или окончится теперь торжеством народа, или возобновится в близком будущем.

Горе матерям, если народ будет опять побежден. Их малютки заплатят за поражение; ведь участь наших мужей и братьев уже решена, и реакция разгуляется вволю. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Гражданки, решимся! соединимся, чтобы помочь нашему делу! Будем готовы защищаться и мстить за наших братьев. К воротам Парижа, на баррикады, в предместья, все равно куда! Будем готовы в нужный момент прийти им на помощь!

Если негодяи, расстреливающие пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, — тем лучше. Крик ужаса и негодования всей Франции и всего мира завершит то, что мы начали. Если все оружие и штыки разобраны нашими братьями, то на нашу долю остается булыжник мостовой, чтобы сразить им изменников».<sup>174</sup>

В тот же день (по инициативе «группы гражданок», в зале Ларшед) состоялось первое организационное собрание Центрального Комитета Гражданок. На нем обсуждался вопрос о создании окружных комитетов, которые должны были заняться организацией «регулярных отрядов для обслуживания походных госпиталей или рот, готовых в минуту крайней опасности, — в случае вторжения неприятеля в Париж, — строить баррикады и драться на них вместе с теми из наших братьев, для которых начавшаяся борьба составляет вопрос жизни или смерти».<sup>175</sup>

Собрание постановило обратиться к Исполнительной Комиссии Коммуны со следующим адресом:

«Принимая во внимание:

что обязанность и право всех — сражаться за великое дело народа и за революцию;

что опасность неминуема, и враг у ворот Парижа;

что в единении сила, и потому в час крайней опасности все отдельные усилия должны слиться воедино, чтобы организовать коллективное сопротивление всего населения, которому ничто не будет в силах противостоять;

что Коммуна, как представительница великого принципа, провозглашающего уничтожение всяких привилегий, всякого неравенства, тем самым обязана принять во внимание справедливые требования всего населения, без различия пола, — различия, созданного и поддерживаемого антагонизмом, столь необходимым для правящих классов, так как на нем зиждутся его интересы;

что в торжестве настоящей борьбы за уничтожение злоупотреблений и обновление, в недалеком будущем, всего общественного строя, который должен обеспечить господство труда и права, — гражданки заинтересованы не менее граждан;

что массовое убийство защитников Парижа версальскими палачами до крайности возмущает большинство гражданок и побуждает их к мести;

<sup>174</sup> «Journal officiel», 11 апреля 1871.

<sup>175</sup> «Journal officiel», 14 апреля 1871).



что значительное число последних решило, в случае вторжения неприятеля в Париж, сражаться и победить или пасть в бою за наши общие права;

что серьезная организация этих революционных элементов в силу, способную оказать действительную и солидную поддержку Парижской Коммуне, невозможна без помощи и содействия правительства Коммуны;

Делегатки парижских гражданок просят Исполнительную Комиссию Коммуны:

1) приказать мэрам предоставить в распоряжение окружных комитетов и Центрального Комитета, учрежденных гражданками для защиты Парижа, залы в мэриях различных округов или, если возможно, отдельные помещения, где комитеты могли бы постоянно заседать;

2) отвести с тою же целью обширное помещение, где гражданки могли бы устраивать публичные собрания;

3) напечатать за счет Коммуны циркуляры, афиши и извещения, которые означенные комитеты признают нужным распространить.

Подписали за членов Центрального Комитета Гражданок, гражданки-делегатки: Аделаида Валентен, работница; Ноэми Коллейль, работница; Марсан, работница; София Грэ, работница; Жозефина Пратт, работница; Седина Дельвенкье, работница; Эмэ Дельвенкье, работница; Елизавета Дмитриева». <sup>176</sup>

В середине апреля в газетах появился устав «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым». <sup>177</sup> 2). Устав состоит из двух разделов: 1) окружные комитеты; 2) центральный комитет.

В круг ведения окружных комитетов (comites d'arrondissement) входит:

1) регистрация женщин, желающих работать в госпиталях, или походных кухнях, или по постройке баррикад;

2) управление фондом, который составит из добровольных пожертвований;

3) ведение переписки и счетоводства по данному округу;

4) вызов в любое время дня и ночи, по требованию центрального комитета союза и правительственных органов, нужного числа женщин из числа записавшихся на службу Коммуны;

5) разъяснение каждой из них возложенной на нее задачи с точным указанием места, куда она должна направиться;

6) созыв собраний, устраиваемых центральным комитетом для пропаганды идей союза;

7) представление в центральный комитет ежедневных отчетов о ходе организации на местах.

Окружные комитеты состоят из 11 членов, для смещения коих требуется согласие 3/4 членов комитета +1.

Комитеты заседают непрерывно. Одна треть членов (+1) дежурит круглые сутки. Пленарные заседания устраиваются, по крайней мере, раз в день.

Комитеты избирают бюро в составе генерального секретаря, двух младших секретарей и казначея, которые могут быть смещены в любое время.

Каждые два дня комитеты отчитываются перед центральным комитетом в состоянии своей кассы и вносят в кассу центрального комитета весь излишек денег, остающийся за покрытием необходимых расходов по переписке, управлению и пр.

Внутренний административный распорядок устанавливается каждым комитетом самостоятельно,

По первому требованию центрального комитета окружные комитеты должны быть готовы представить ему отчет в своих действиях.

Права и обязанности Центрального Комитета (Comite Central):

Ц.К. состоит из делегатов от окружных комитетов. Члены его вмещаются по требованию не менее 8 товарищей и с согласия не менее, чем половины плюс 1 член комитета.

<sup>176</sup> «Journal official», 14 апреля 1871.

<sup>177</sup> «La Sociale», 20 апреля 1871.

Комитет заседает непрерывно, для чего одна треть его членов (+1) дежурит круглые сутки. Решения комитета считаются принятыми, если за них высказалось не менее половины всех членов плюс один.

Общие собрания комитета происходят не менее двух раз в день; присутствие на них всех членов обязательно.

Обязанности председателя исполняются всеми членами комитета по очереди; председатель избирается каждый раз только на одно заседание.

Всякое предложение, чтобы войти в порядок дня публичных собраний союза, должно быть поддержано не менее чем 10 членами комитета.

На произнесение речи полагается не более 10 минут; один и тот же оратор не может более двух раз касаться одного и того же вопроса.

Комитет избирает бюро, состоящее из генерального секретаря, трех младших секретарей и казначея; члены бюро могут быть смещены в любое время.

Центральному комитету принадлежит общее руководство деятельностью союза.

Центральный комитет избирает из своей среды исполнительную комиссию в составе семи членов для сношений с комиссиями Коммуны по управлению госпиталями, кухнями и баррикадами; от них она (исполнительная комиссия) будет получать все необходимые ей инструкции и указания, для последующей передачи их окружным комитетам.

Сверх того, комитет выделяет несколько комиссий, которые должны будут разрабатывать наилучшие способы скорейшего проведения в жизнь его проектов.

Члены исполнительной комиссии имеют особые карточки за подписями и печатью Ц.К-та.

По покрытии расходов по переписке, управлению и печатной пропаганде, весь излишек фондов Центрального Комитета расходуются следующим образом:

а) на поддержку нуждающихся и больных членов союза;

б) на вознаграждение членов комитетов, которые, за недостатком средств, не могут иначе отдавать все свое время работе в союзе;

в) на покупку керосина и оружия для гражданок, которые захотят биться на баррикадах (распределяться оружие будет по жребию).

Комитет обязуется предавать самой широкой гласности все свои действия.

Настоящие статуты могут в любое время быть дополнены или изменены по требованию десяти членов Центр.К-та и с согласия половины (плюс 1) членов всех комитетов, вместе взятых.

Гражданки, записываясь в бюро комитета своего округа, делают небольшой денежный взнос (не ниже, однако, 10 сантимов). Эти взносы составят основной капитал кассы округа.

Все члены союза обязуются признавать моральный авторитет Центрального Комитета и исполнять инструкции и приказания своих окружных комитетов.

Все добровольные пожертвования как деньгами, так и натурой предназначаются для военных госпиталей, питательных пунктов и нуждающихся членов союза.

Эта программа не осталась на бумаге. Центральный Комитет энергично взялся за дело и в течение одного месяца (с 11 апреля по 14 мая) сумел провести 24 публичных собрания по всем округам Парижа. На эти собрания приглашались «все гражданки, преданные делу народа»; присутствие мужчин не возбранялось.<sup>178</sup>

6 мая Исполнительная Комиссия Центрального Комитета, за подписями Лемель, Жакье, Лефевр, Лелу и Дмитриевой, выпустила следующий манифест:

«Во имя Социальной Революции, которую мы приветствуем, во имя завоевания прав на работу, равенство, справедливость, Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым всеми силами протестует против позорной прокламации к гражданкам, появившейся и расклеенной позавчера и исходящей от анонимной группы реакционеров.

---

<sup>178</sup> «Le Cri du Peuple», 14 мая 1871.

В этой прокламации сказано, что парижские женщины призывают к великодушию Версаля и просят во что бы то ни стало мира.

Великодушные подлых убийц! Примирение между свободой и деспотизмом, между народом и его палачами!

Нет, не мира, а войны без пощады требуют работницы Парижа.

Ныне примирение было бы равносильно измене!.. Оно было бы равносильно отказу от всех рабочих вождельных, от стремлений к полному социальному обновлению, равносильно отказу от уничтожения всех существующих в настоящее время юридических и общественных отношений, отказу от отмены всех привилегий, всякой эксплуатации, от замены господства капитала царством труда, словом, примирение теперь — это отказ от освобождения рабочего собственными усилиями!..

Шесть месяцев страданий и измены во время осады, шесть недель исполинской борьбы против сплотившихся эксплуататоров, потоки крови, пролитые за дело свободы — вот наша слава и наша месть!..

Настоящая борьба не может иметь иного исхода, как торжество народного дела... Париж не отступит, ибо он несет знамя будущего. Решительный час пробил... место рабочим, долой их палачей!

Больше действий, энергии!..

Дерево свободы растет, орошаемое кровью своих врагов!..

Объединенные и непоколебимые, возвеличенные и просвещенные страданиями, которые социальные кризисы неизбежно влекут за собой, глубоко убежденные, что Коммуна является представительницей международных революционных принципов и носит в себе семена социальной революции, — женщины Парижа докажут Франции и всему миру, что они сумеют в минуту крайней опасности, — если реакция ворвется в Париж, — на баррикадах и укреплениях отдать, подобно своим братьям, свою кровь и жизнь за Коммуну и ее торжество, т.е. за торжество народа!

Тогда, победившие, связанные узами солидарности, рабочие и работницы сумеют объединиться и столкнуться относительно своих общих интересов, чтобы последним усилием воли уничтожить навсегда всякий след эксплуатации и эксплуататоров!.. Да здравствует Всемирная Социальная Республика! Да здравствует Труд! Да здравствует Коммуна!»<sup>179</sup>

Прокламация, которая привела в такое негодование коммунаров, была расклеена на стенах города 3 мая; вместо всяких подписей, под нею стояло: «группа гражданок». Составленная весьма искусно, эта прокламация в трогательных выражениях призвала «к великодушию Версаля, к великодушию Парижа», и требовала, чтобы оба лагеря сложили оружие «во имя родины, во имя чести, во имя гуманности».<sup>180</sup>

Камилла Биаз рассказывала в «Vengeur»'е, с каким негодованием население Парижа встретило эту афишу: женщины в ярости срывали ее со стены и топтали ногами, при общем одобрении прохожих. «Что скажете вы по этому поводу, господа версальцы, — вы, которые воображали, что с помощью одного женского воззвания вам удастся завлечь в ловушку всех слабых и невежественных? Работницы и женщины из буржуазии дали вам свой ответ. Кто же останется теперь с вами? Несколько сумасбродных ханжей, сумасшедших монахинь и жестоких игумений. Берите их и делайте с ними все, что вздумаете...»<sup>181</sup>

В начале апреля, когда еще не были изжиты все соглашательские иллюзии, женщины Парижа сделали попытку добиться примирения с Версалем. 3 апреля на стенах Парижа можно было читать: «Гражданки, женщины всех классов... Пойдем сказать Версалю, что представляет из себя парижская революция... Пойдем сказать Национальному Собранию, что оно вышло из права, а Париж вернулся к нему . . . Пойдем сказать Версалю, что правительство одно ответственно за кровь наших братьев, и что перед лицом всей Франции мы бросим ему этот упрек. Гражданки, пойдем в Версаль, дабы Париж сделал последнюю попытку к примирению».<sup>181a</sup>

<sup>179</sup> «Journal officiel», 8 мая 1871.

<sup>180</sup> P.Lanjalley et P.Corryez. «Histoire de la Revolution du 18 Mars». Paris 1871; p.385. Mur.Pol. II, 433.

<sup>181</sup> «Le Vengeur», 16 мая 1871.

<sup>181a</sup> «Le Cri du Peuple», 4 апреля 1871.

«Решившись осуществить этот проект, несколько сот женщин, взявши друг друга под руку и махая своими платками с криками «Да здравствует Республика!» собрались на площади Согласия с барабанщиком и трубачами впереди; уверяли, что они направляются в Версаль. На Гренельском мосту сто гражданок с левого берега, шедшие по четыре в ряд с приколотыми на груди небольшими красными флажками, присоединились к кортежу, который продолжал свое шествие под звуки Chant du Depart. Однако, манифестация не дошла до Отейля, так как несколько шальных ядер рассеяли ее».<sup>182</sup>

«Гражданки, — писали через несколько дней участницы демонстрации, — мы шли в Версаль, мы хотели остановить пролитие крови... Нам не удалось выполнить нашу задачу примирения... Правительство атаковало Париж, и кровь пролилась. Гражданки, мы вынуждены на время разойтись... Вернемся к нашим семьям или объединимся в отряды для обслуживания госпиталей... Будем поддерживать дух наших национальных гвардейцев и ухаживать за ранеными... Гражданки, наша попытка останется, как протест против версальского правительства. Перед своей совестью и перед лицом всей Франции мы объявляем его единственно ответственным (за происходящее). Расстанемся же со словами: да здравствует Республика! да здравствует Коммуна!.. Республика и Коммуна, представляющая для нас, женщин, честное и простое правительство, правительство для всех, основанное на принципах свободы и труда, которое постарается, по возможности, облегчить существование всех нуждающихся...»<sup>183</sup>

«Вооружившись шаспо, с револьвером за поясом, с красным шарфом через плечо, женщины воодушевляли и сопровождали бойцов... Одни из них исполняют функции полицейских, арестуют нерадивых и упорствующих граждан. Другие всходят на церковные кафедры и провозглашают наступление господства человеческого разума».<sup>184</sup>

Париж покрывается сетью женских организаций: рядом с окружными комитетами — отделениями женского союза, — возникают «наблюдательные комитеты» (comites de vigilance) и многочисленные благотворительные общества, в роде «Общества солидарности женщин VI округа», «Комитета дам-благотворительниц», «республиканского комитета XII округа» по борьбе со скрытой нищетой.<sup>185</sup>

Все эти организации, не будучи резко-классовыми по составу, стоят на революционной платформе «республики и коммуны» против монархического собрания и правительства в Версале. Рабочие элементы преобладают в женском союзе и в наблюдательных комитетах, — отсюда социалистическая окраска и боевой революционный дух их деклараций. Наоборот, в чисто-благотворительных организациях доминируют мелкобуржуазные элементы.

Во главе женского союза стоят работницы Аделаида Валентен, Жозефина Пратт, сестры Дельвенкье, Алина Жакье, учительницы Наталия Лемель, Лелу; Бланш Лефевр и русская революционерка Елизавета Дмитриева. Во главе наблюдательных комитетов — Пуарье, Экскоффон, Барруа, Блен, писательница Андре Лео, русская Анна Жаклар (урожденная Корвин-Круковская), «красная дева» Луиза Мишель, учительница по профессии, и многие другие.

Газеты того времени полны писем, деклараций, отчетов и манифестов, исходящих от многочисленных женских революционных организаций и отдельных групп и проливающих свет на их деятельность.

7 апреля делегатки XIII округа требуют примерного наказания для трусов и дезертиров, которые не ограничиваются тем, что прячутся по домам «в то время как их братья мстят за поруганный Париж», но позволяют себе еще смеяться над теми, кто исполняет свой долг, рискуя своей жизнью и свободой.<sup>186</sup>

«Гражданки X округа» требуют, чтобы Феликс Пиа взял назад свою отставку и остался членом Коммуны. Феликс Пиа, помещая это письмо в своей газете, заявляет: «Это письмо не менее решающее, чем два других (письмо «группы избирателей» и

<sup>182</sup> Барон Марк де Вилье. «Женские клубы и легионы амазонок». Пер. Ю.Стеклова. Москва 1912; стр.417. Эту книгу можно читать в нашей библиотеке: [http://vive-liberta.narod.ru/revol\\_fem/lasser\\_1.htm#amazonki](http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/lasser_1.htm#amazonki)

<sup>183</sup> «Le Cri du Peuple», 6 апреля 1871.

<sup>184</sup> Барон М. де Вилье, *op.cit.*, стр.419.

<sup>185</sup> «Le Cri du Peuple», 10 апреля 1871. «Le Mot d'Ordre», 15 апреля 1871. М.Р. II, 335.

<sup>186</sup> «Le Cri du Peuple», 7 апреля 1871.



и председателя совета 10 легиона). Я остаюсь».<sup>187</sup>

Группа «красных санитарок» (*ambulancieres volontaires de la Commune*) выпускает 25 апреля афишу, в которой говорится:

«Сестры милосердия Коммуны заявляют, что не принадлежат ни к какому обществу. Вся жизнь их принадлежит целиком Революции; их долг заключается в том, чтобы на самом поле сражения перевязывать раны, нанесенные отравленными пулями версальцев; а, в случае необходимости, братья за ружье, подобно другим. Да здравствует Коммуна! да здравствует всемирная Республика!» Под этой афишей стоят имена Луизы Мишель и пяти других женщин.<sup>188</sup>

«Гражданки Монмартра, собравшиеся 22 апреля на заседание, постановили предоставить себя в распоряжение Коммуны для организации походных госпиталей, которые будут сопровождать отряды, выступающие в бой, и подбирать на поле сражения наших героических защитников. Женщины Монмартра, одушевленные революционным энтузиазмом, хотят на деле доказать свою преданность Революции». — Эта резолюция подписана от имени президиума собрания членами наблюдательного комитета округа Анной Жаклар, Андре Лео, Пуарье, Бюиссар.<sup>189</sup> 28 апреля наблюдательный комитет XVIII округа, созывая гражданок на собрание в зале Черного Шара, обращался ко всем «желающим принять активное участие в борьбе за наши права», приглашая их записываться в перевязочные отряды и военные госпитали. Безработным женщинам, ищущим работы, тоже предлагалось записываться в помещении комитета (в доме № 32, по улице Акаций).<sup>190</sup>

Тот же комитет от лица «гражданок-республиканок 18-го округа» требовал немедленного удаления монахинь из персонала госпиталей и тюрем, так как «имеется достаточно матерей семейств, преданных и мужественных, которые сумеют лучше исполнять их обязанности». Декларация подписана бюро комитета и 200 женщин.<sup>191</sup>

5 мая письмом в редакцию «Крика Народа» комитет вновь протестует против дурного ухода монахинь за находящимися на излечении в госпитале Неккера ранеными национальными гвардейцами.<sup>192</sup> Этот протест, в соединении с гневными выпадами «Pere Duchene»'а (в №№ от 20 апреля и 7 мая), возымел таки свое действие: 10 мая «Pere Duchene» с удовлетворением отмечал, что заботами комиссара социального обеспечения Трейяра монахини удалены из госпиталей и раненые федераты вверены попечению светских сиделок, преданных революции.

6 мая комитет XVIII округа подает Коммуне петицию, требующую энергичной борьбы с проституцией, которая «с некоторых пор, как будто, начинает усиливаться». Под петицией стоит 400 подписей.<sup>193</sup>

Коммуна не остается глуха к этому требованию. По свидетельству очевидца, Реклю, к середине мая «улицы и бульвары почти очищены от проституток... Монтескье говорил правду, утверждая, что республики более добродетельны, чем монархии. Коммуна храбро решается на реформу, которую филантропы Луи-Филиппа, цензора и префекты полиции признавали абсолютно невозможной — на уничтожение домов терпимости. Толчок к этому был дан женщинами... Влияние женщин из народа дает себя чувствовать в правительстве».<sup>194</sup>

По словам исследователя парижской и лондонской проституции, Лекура, за время с 19 марта по 28 мая 1871 г. арестовано и препровождено в тюрьму Сен-Лазар 279 проституток.<sup>195</sup>

<sup>187</sup> «Le Vengeur», 25 апреля 1871.

<sup>188</sup> «La Sociale», 25 апреля 1871.

<sup>189</sup> «Le Cri du Peuple», 26 апреля 1871.

<sup>190</sup> «Le Cri du Peuple», 28 апреля 1871.

<sup>191</sup> «Le Cri du Peuple», 30 апреля 1871.

<sup>192</sup> «Le Cri du Peuple», 7 мая 1871.

<sup>193</sup> «Le Cri du Peuple», 10 мая 1871.

<sup>194</sup> E.Reclus. «La Commune de Paris au jour le jour». Paris 1908; p.306 (14-V).

<sup>195</sup> L.Fiaux. «Histoire de la guerre civile de 1871». Paris 1879; p.301.

Комитет гражданок XVII округа, населенного, как и Монмартр, преимущественно рабочими, обращался с пламенным призывом ко «всем тем, которые одушевлены любовью к справедливости, ко всем тем, которые чувствуют, что их самые кровные интересы, так же как и интересы мужчин, связаны с успехом революции», и приглашал их записываться через бюро комитета в санитарные летучки, госпиталя и на работу по постройке баррикад. «В этой борьбе прошлого против будущего, насилия против права, безумен тот, кто считает себя незаинтересованным, преступен тот, кто остается нейтрален».<sup>196</sup>

Воззвание подписано десятью женщинами, в том числе Андре Лео, и скреплено делегатом окружного муниципалитета Сассеном.

25 апреля члены комитета женского союза II округа, совместно с членами комитетов X и XI округов, воспользовавшись перемирием, извлекли из-под развалин полусожженного Нейи 27 жителей, уцелевших от бомбардировки, и привезли их, раздетых и голодных, в Париж, в мэрию II округа, где им немедленно предоставлены были помещение и пища, в которых они так нуждались.<sup>197</sup>

Между организациями женского союза и женскими наблюдательными комитетами в округах по временам возникали трения, отголоски которых находим в тогдашних газетах. Так, например, серьезные нарекания вызвала подпись Андре Лео, появившаяся под уже цитированной нами декларацией монмартрского наблюдательного комитета. Центральный комитет союза женщин счел даже нужным заявить в печати, что писательница не имеет никакого официального отношения к этому комитету, «постороннему для союза», и продолжает состоять членом комитета союза в X округе.<sup>198</sup> В свою очередь, Андре Лео не оставила без внимания эту заметку и письмом в редакцию «Крика Народа» протестовала против впутывания «вопроса о личности или отдельной группы в вопросы общего характера». Она напоминала, что дала свою подпись под резолюцией собрания, которое преследовало те же цели, что и «союз женщин для защиты Парижа», — «акт столь же простой, сколь и законный», — и не думает брать ее назад. «Вместе со всеми теми, которые в этот критический момент, героический и небывалый, добиваются торжества Революции, я подписалась без раздумья и всегда буду подписываться».<sup>199</sup>

Рассказывая о мытарствах девяти женщин-доброволиц, отправившихся на фронт для подачи первой помощи раненым, Андре Лео возмущалась пренебрежительным отношением к ним со стороны врачей и командного состава национальной гвардии: «...Для гражданина, который защищает свои права и свой очаг, присутствие женщины (на фронте) должно быть источником радости, силы. Она удваивает его мужество и энтузиазм, той материальной помощью и моральной поддержкой, от отсутствия которых он подчас так жестоко страдает. Женщина на поле битвы, в войне за право, это — источник бодрости и веры, это душа великого города, говорящая солдатам: Я с тобою. Ты поступаешь хорошо.

И все-таки, несмотря на грубое оскорбление, нанесенное нашим преданным патриоткам, общее впечатление, которое мы вынесли из этой экскурсии, вполне благоприятное; ибо рядом с буржуазным и деспотическим духом, узким и мелочным, которым все еще пропитаны, к несчастью, многие командиры, — мы встречаем у наших солдат - граждан живое, возвышенное, углубленное понимание новых идей... Они чувствуют, что настоящая революция сулит свободное развитие всех сил и всех задатков..., которые так долго заглушались... Одним словом, народ готов к восприятию будущего. В то время как большая часть командиров все еще только военные специалисты, — солдаты уже стали гражданами.<sup>200</sup>

Через два дня, в большой статье «Революция без женщины» (*La Revolution sans la femme*), Андре Лео давала теоретическое обоснование роли женщины в пролетарской революции:

<sup>196</sup> «Le Cri du Peuple», 2 мая 1871.

<sup>197</sup> «La Sociale», 28 апреля 1871.

<sup>198</sup> «Le Cri du Peuple», 2 мая 1871.

<sup>199</sup> «Le Cri du Peuple», 8 мая 1871.

<sup>200</sup> «La Sociale», 6 мая 1871.

«Знаете ли вы, генерал Домбровский, как и кем совершена революция 18 марта? Женщинами. — С раннего утра отряды линейных войск были двинуты на Монмартр. Горсть национальных гвардейцев, охранявшая пушки на площади Сен-Пьер, была застигнута врасплох, и пушки отобраны; их уже начали спускать в Париж, без всяких препятствий. Национальная гвардия, без вождей, без руководства, колебалась перейти в открытую атаку. Еще несколько поворотов колеса, и... вы никогда бы не были генералом Коммуны, гражданин Домбровский.

Но вот на площадь Аббатства устремляются толпы женщин, гражданок Монмартра; они хватают под уздцы лошадей, окружают солдат, говорят им: — Как! вы служите врагам народа, вы, его дети! Неужели вам не надоело быть слепыми орудиями в руках ваших же угнетателей? Неужели вам не стыдно служить предателям? — Солдаты остановились, сперва только из боязни ранить женщин и раздавить детей, которые цеплялись за колеса орудий, затем, поняв правоту этих упреков, подняли ружья прикладами вверх. Народ испустил крики радости: наконец-то пролетарии, разделенные разными именами и разной одеждой, поняли друг друга и слились. Не будет больше регулярной армии, не будет больше тиранов! Солдаты и национальные гвардейцы обнимаются. Пушки устанавливаются на прежних местах. Доверие, энтузиазм, неукротимое мужество наполняют сердца всех, за минуту перед тем полные нерешительности.

Революция совершилась. Совершилась, главным образом, благодаря женщинам. Нужно откровенно в этом признаться, повторяю вам, гражданин Домбровский, и вы, главный военный прокурор, гоните с аванпостов женщин, в своей преданности делу Революции готовых пожертвовать за нее жизнью.

Нужно все-таки поразмыслить: возможно ли совершить революцию без участия женщин? Вот уже 80 лет, как бьются над этим, и все безуспешно. Первая Революция, правда, наделила их титулом гражданок, — титулом, но не правами; свобода и равенство не распространились на них. Отброшенные от революции, женщины вернулись к католицизму, и под его влиянием образовали ту огромную реакционную силу, пропитанную духом прошлого, которая душит Революцию, всякий раз как она пытается воскреснуть. Когда же поймут наконец, что это длится слишком долго? Когда республиканцы возвысятся до того, что поймут свои принципы и научатся служить своим интересам? Они не хотят, чтобы женщина оставалась под игом попов; но им не нравится, если она свободомыслящая. — Они не хотят, конечно, чтобы она действовала против них, но в то же время отвергают ее содействие, стоит ей только заговорить об этом. Отчего это происходит? Я вам сейчас скажу: от того, что многие республиканцы, — я не говорю об истинных, — низложили императора и господ бога только для того... чтобы занять их место. А для этого им, понятно, нужны подданные (sujets), хотя бы только одного женского пола (sujettes). Женщина не должна больше подчиняться попам, но вместе с тем не должна быть более самостоятельна, чем раньше. Она должна оставаться нейтральной и пассивной; под руководством мужчины, она только переменяла духовника.

Но такая комбинация не имеет шансов на успех. У бога здесь то громадное преимущество над мужчиной, что он остается неизвестен — а это и позволяет ему быть идеалом. С другой стороны, религия осуждает разум и запрещает науку. Это просто, радикально и ясно. Это — замкнутый круг, из которого не выходят, разве только если — ломают его. Но революция, новое мировоззрение строятся как раз с помощью разума, свободы мысли, поисков истины и правды во всем.

Здесь нет уже больше замкнутого круга, но прямая линия, уходящая в бесконечность.

Где остановиться на этом пути? Где положить грань, которую бы не перешагнул тот или иной ум? И кому принадлежит право класть эту грань?

Революция, нужно отдать себе ясный отчет в этом, есть свободное дело всякого человеческого существа... без всяких расовых или половых ограничений.

Женщины не покинут старую веру до тех пор пока не примут новую. Они не хотят, не могут оставаться нейтральными. Нужно выбирать между их враждой и преданностью... Кто страдает больше всего от настоящего кризиса, от дороговизны продуктов, от прекращения работ? — женщина; и в особенности одинокая женщина, которой новый строй занимается не больше, чем занимался ею старый. Кто ничего не выиграл, по крайней мере сейчас, от успеха Революции? — опять-таки женщина.

Не об ее освобождении, а только об освобождении мужчины идет речь. И когда, под влиянием высшего инстинкта, который в наш век влечет все сердца к свободе, она, несмотря ни на что, предлагает свою преданность этой Революции, которая ее забывает, — ее отталкивают с презрением и грубостью!..

С известной точки зрения, можно было бы всю историю, начиная с 89 года, изложить под заглавием: История непоследовательностей революционной партии (*Histoire des inconsequences du parti revolutionnaire*). — Женский вопрос составил бы в этой книге самую солидную главу; в ней было бы показано, как эта партия нашла средство толкнуть в неприятельский лагерь половину своей армии, которая не переставала требовать, чтобы ее вели в бой». <sup>201</sup>

Газета «*La Sociale*» не была единственным органом, где дебатировался вопрос о роли и участии женщин в происходящей революции. Большое внимание уделял ему и популярнейший листок эпохи «*Pere Duchene*», который еще 9 апреля требовал тщательного образования для девочек, так как от хороших жен и матерей в значительной мере зависят судьбы революции и демократии.

Статьи Андре Лео произвели впечатление. Военный делегат Коммуны Россель прислал ей письмо, в котором, выражая свое сожаление по поводу сообщаемых ею фактов игнорирования командным составом услуг женщин - добровольцев, просил ее указать, каким образом он мог бы «использовать эту преданность, которая остается без употребления». <sup>202</sup>

В ответном письме Андре Лео рекомендовала Росселю «идею, предложенную ей начальником 17-го легиона, гражданином Жаклар, а именно сформировать специальные перевязочные отряды на укреплениях и аванпостах, управляемые одним или двумя хирургами, свободными от предрассудков». — «Я прибавлю к этому следующее — писала она: — три или четыре молодые женщины с успехом сдали экзамены при Медицинской Школе Парижа; они-то и могли бы стать во главе этих отрядов. Я не сомневаюсь в их готовности. Если у них хватило решительности, чтобы овладеть вратами знания, она не изменит им на службе гуманности и на службе Революции». В крайнем случае, их могли бы заменить и акушерки. «Мы должны, — заканчивала она, — наперекор современным предрассудкам и нравам, всеми силами стремиться к тому, чтобы возможно скорее достигнуть того настоящего братства между мужчиной и женщиной, той общности чувств и взглядов, которые одни могут установить Коммуну будущего (*la Commune de l'avenir*), основанную на честности, равенстве и мире. Республика не утвердится прочно до тех пор, пока половина рода человеческого будет жить, погрязши в заблуждениях прошлого, в стороне от интересов и стремлений современности». <sup>203</sup>

В связи с общим подъемом женского самосознания во время Коммуны, среди женщин - работниц наблюдалась сильная тяга к профессиональной организации. Созывая на 15 мая общее делегатское собрание всех рабочих синдикатов, «комиссия по обследованию и организации труда» обращалась с особым призывом к гражданкам, «преданность которых социальной революции так драгоценна и нужна, не оставаться равнодушными к столь важному вопросу труда».

---

<sup>201</sup> «*La Sociale*», 8 мая 1871.

<sup>202</sup> «*La Sociale*», 7 мая 1871. Во избежание проникновения в ряды национальной гвардии и обслуживающие ее учреждений подозрительных элементов, с 20 мая, приказом Ц.К-та и Военной Комиссии Коммуны, для поступления в сиделки военных госпиталей требовалось удостоверение о благонадежности от местного комиссара полиции, с указанием адреса, возраста и профессии (*Mur.Pol. II, 545, № 372*).

<sup>203</sup> «*La Sociale*», 9 мая 1871.



«Пусть труженицы различных профессий, как-то: прачки, швеи, модистки, работницы, занятые обработкой страусовых перьев и выделкой искусственных цветов, и т.п., объединятся в синдикаты и пришлют своих делегатов в комиссию по обследованию и организации труда.<sup>204</sup>

Через несколько дней, учитывая наличие в Париже крепкой женской организации в лице «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым», комиссия труда и обмена решила передать в руки последнего всю работу по организации женского труда и женских синдикатов. Центральный Комитет Союза выпустил воззвание, приглашавшее всех работниц явиться 18 мая в здание Биржи для выбора делегатов от каждой профессии в совет соответствующих синдикальных камер, каждая из которых должна, в свою очередь, послать по две делегатки в Федеральную Палату Работниц (Chambre Federale des Travailleuses).<sup>205</sup> Второе собрание, которое должно было быть окончательным, было назначено на 21 мая, но не состоялось.<sup>206</sup>

Вопрос об организации помощи безработным женщинам, на котором так горячо настаивал «Pere Duchene» (в № 31 от 15 апреля), был поднят в заседании Коммуны 6 мая делегатом комиссии труда и обмена, Франкелем: «Недавно я сообщал Журду (члену финансовой комиссии) — говорил он, — что парижские женщины остаются без работы, что национальные гвардейцы должны жить лишь на свои 30 су, наконец, что вообще среди рабочих Парижа царствует нищета; в виду этого, с согласия Комиссии труда и обмена, я предлагаю организовать мастерские, но отнюдь не национальные мастерские. Это были бы раздаточные пункты, откуда женщины получали бы работу на дом; ведь ставя на первый план доставку работы, мы в то же время хотим провести реформы в области женского труда».

Франкель предлагал, далее, использовать для организации раздаточных мастерских те 8—10 миллионов франков, которые имелись в распоряжении финансового ведомства и предназначались на выкуп заложенных в ломбарде вещей бедняков. Он считал, что полная ликвидация Ссудной Кассы, предлагавшаяся некоторыми членами Коммуны, имеет смысл лишь после коренной реформы экономического строя, что, в свою очередь, неразрывно связано с «организацией труда».

Журд заявил о возможности выдавать на организацию раздаточных мастерских 100 тысяч франков еженедельно, но получило ли предложение Франкеля свое практическое осуществление, — мы не знаем.<sup>207</sup>

У Коммуны все же имелись собственные мастерские для выполнения военных заказов, труд в которых оплачивался значительно выше, чем у частных предпринимателей. Вот как описывает Лиссагарэ одну из таких мастерских, помещавшуюся в бывшем здании Законодательного Корпуса: «Тысяча пятьсот женщин заняты здесь шитьем саков (мешков для земли) для заполнения брешей. Работу распределяет высокая, красивая молодая девушка с красным шарфом с золотой бахромой, подаренным ей товарками по работе, на шее... Работа сопровождается пением, заработная плата выдается каждый вечер, и работницы получают полную стоимость своего труда — восемь сантимов за сак, между тем как прежний предприниматель платил едва по два сантима».<sup>208</sup> По словам газеты «Крик Народа», в этой мастерской, устроенной генералом Бержере, работало до 2000 женщин.<sup>209</sup>

Для организации женского труда Центральный Комитет Союза женщин для защиты Парижа устраивал у себя собрание мастериц и наиболее квалифицированных работниц.<sup>210</sup>

В X округе существовало особое «Общество единения работниц», которое созывало на 16 мая, в мэрии округа, свое четвертое собрание.<sup>211</sup>

<sup>204</sup> «Journal officiel», 10 мая 1871.

<sup>205</sup> «Journal officiel», 18 мая 1871.

<sup>206</sup> «Journal officiel», 21 мая 1871.

<sup>207</sup> Лукин, оп.с., стр.238. «Journ. off.», 7 мая 1871.

<sup>208</sup> Лукин, оп.с., стр.239.

<sup>209</sup> «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871.

<sup>210</sup> «La Sociale», 11 мая 1871.

<sup>211</sup> «Le Cri du Peuple», 17 мая 1871.

Под конец делом заинтересовался и Интернационал. В двадцатых числах мая объединенное собрание секций Батиньоля и Терн выносит следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что одной из главных целей социализма является равномерное распределение работы между всеми гражданами и гражданками; что социализм должен навсегда уничтожить монополистов и эксплуататоров;

что муниципалитетам различных округов Парижа было предложено реквизировать помещения, необходимые для устройства мастерских;

что муниципалитет XV II округа организовал такие мастерские;

что Комитет гражданок для защиты Парижа, заседающий в доме № 13 по улице Бульвара, обратился с призывом ко всем гражданкам, не имеющим работы; что этот призыв был услышан, и множество гражданок уже записалось на работу;

что комиссия труда и обмена обещала распределить работу между всеми округами Парижа, но обещания своего не исполнила;

что нельзя заставлять понапрасну ждать гражданок, записавшихся на работу, в такое время, когда граждане находятся под огнем;

что комиссия труда и обмена, не думая об осуществлении своего обещания, оставляет работу в руках эксплуататоров и монополистов; —

Объединенные секции Интернационала, Батиньоля и Терн, требуют, в кратчайший срок, равномерного распределения работы между комитетами различных округов Парижа.

Председатель Анри Барду. Товарищи председателя: Безье, Андрэ, Жюль Сассен».<sup>212</sup>

О подъеме самосознания среди широких слоев женщин-работниц, окрыленных революцией 18 марта, говорит и следующая резолюция «группы портних»:

«Группа портних, изготовляющих мундиры национальной гвардии в X округе, перед лицом неимоверной жадности тех, которые ее эксплуатируют, объявляет, что единодушно отвергает пониженную оплату труда, введенную несколько дней тому назад без всякой основательной причины. Они объединяются в одном крике протеста против всякого нового вида эксплуатации, от которой слишком долго страдают: пора положить этому конец; пусть работница, трудолюбивая, интеллигентная, перестанет быть жертвой, рабой тех, которые обогащаются за счет ее труда и усилий. Пора навеки сбросить постылое иго тиранов и смелыми усилиями добиться справедливой оплаты и свободы труда!» Резолюция заканчивается требованием восстановления прежней заработной платы, угрожая, что, в противном случае, работницы соединятся в кооперативное общество «для эксплуатации названного предприятия в собственных интересах», без участия хозяев.<sup>213</sup>

Сохранился также интересный протокол собрания женщин-служащих 16-ти кухонь-столовых XI округа, созданного по вопросу о заработной плате.

Председательствует Безье (член Интернационала), при двух товарищах Годафруа и Кола и секретаре Демэ. Собрание открывается в 7 часов вечера, в одной из зал окружной мэрии. Председатель просит собрание назвать то лицо, которое жаловалось в клубе Амвросия, что служащим кухонь-столовых уменьшены оклады. — Молчание.

Гражданин Годафруа: — Милостивые государыни, я вас предупреждаю, что в будущем мы не будем считаться с заявлениями отдельных лиц. Отныне, если к нам будут поступать жалобы, мы будем вызывать на суд обе стороны: и жалобщиков, и обвиняемых... Жалоба, которая будет доказана, будет принята во внимание; всякая же другая — отвергнута.

Гражданин Безье: — Итак, начиная с завтрашнего дня, все служащие будут получать по 35 су (в день), заведующие: женщины 2 1/2 франка, мужчины — 3 1/2.

Гражданин Демэ: — Простите, господа, но талонщицы несут большую ответственность, чем все прочие. Они должны получать 2 франка.

<sup>212</sup> «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871.

<sup>213</sup> «Le Vengeure», 14 мая 1871.

Предложение принимается, и заседание закрывается в 9 часов, за отсутствием газа.<sup>214</sup>

Читатель уже подметил, что специфически женский, феминистский элемент играл ничтожную роль в женском движении во время Коммуны, носившем, по преимуществу, социальный характер. Не буржуазные феминистски-суффражистки, а социалистически настроенные работницы составляли главное ядро армии коммунарок. Эксплуатируемые вдвойне, и как работницы, и как женщины, они поднялись вместе со своими мужьями и братьями против колоссальной социальной несправедливости, имя которой — капиталистическое общество. Они избегали выделять свои чисто женские интересы из интересов всего пролетариата, сознавая, что только в тесном единении работниц с рабочими лежит залог победы трудящихся, которая одна даст женщине полное освобождение — экономическое, социальное и политическое — и фактическое (а не только бумажное) уравнивание с мужчиной.

«Я еще не слышал, чтобы кто-либо из них требовал равенства полов перед избирательной урной, но они горячо добиваются для себя титула гражданина и, что еще больше, поступают как гражданки», — отмечает в своем дневнике Эли Реклю.<sup>215</sup>

И передовые рабочие сознавали это. Газета «Политическая и социальная революция», обещая уделять особое внимание «клубам гражданок», писала: «Пора положить конец несправедливости и предубеждениям, жертвою которых являются женщины. Когда мы дадим возможность всем гражданкам зарабатывать себе на хлеб, когда более сильные — мужчины — перестанут отбивать у них работу... наши дочери будут избавлены от необходимости продавать свою честь последнему маклеру. Терпением, самоотверженностью и преданностью женщины превосходят нас, я уже давно заявлял об этом. Никогда не перестану я протестовать против злой доли, уготованной им эгоизмом современного общества».<sup>216</sup>

«Резко отличаясь от клубов, возникших во время осады Парижа, клубы Коммуны имели преимущественно женский характер. Клуб Черного Шара избрал гражданку Даньер вице-председательницей, а клуб Пролетариев (в квартале Сент-Амбуаз) имел секретарем прачку Андре».<sup>217</sup>

Женщины преобладали также в клубе церкви св.Евстафия. Обычными ораторшами здесь были Жозефина Дюленбер, бывшая сотрудница «Монитора Гражданок» (женская газета, издававшаяся в Париже во время первой осады) маркитантка Броссю и Анна Менан, впоследствии расстрелянная в Сатори.

«На моих глазах однажды вечером, в церкви св. Троицы, — рассказывает в своих воспоминаниях журналист Филибер Одебран, — сотня женщин заполнила главный неф, а следом за ними сбегалось 500 любопытных, чтобы узнать, что они будут делать или говорить... «Гражданки, — говорила одна из них, окутанная красным шарфом и явно претендовавшая на заложение основ будущего, — гражданки, вы — работницы и, в качестве таковых, вы угнетены. Но потерпите немного, день расплаты и справедливости быстро приближается. Он воссияет завтра. Завтра вы будете принадлежать самим себе, а не господам, Мастерские, в которые вас набивают битком, будут принадлежать вам; орудия производства, которые вам дают в руки, будут принадлежать вам; прибыль, вытекающая из ваших усилий, ваших стараний и потери вашего здоровья, будет распределяться между вами. Пролетарии, вы возродитесь к новой жизни. Хрупкие женщины, вы станете хорошо питаться и одеваться, вы превратитесь в сильных матерей и дадите могучую расу; истинная семья человека выйдет из ваших более плодovitых недр. Но для достижения этого, гражданки, от вас требуется безотлагательный и полный разрыв с дикими суевериями, которые до сих пор проповедовались в этом помещении, где я в настоящий момент имею честь с вами разговаривать». Эти слова были покрыты тройным взрывом аплодисментов».<sup>218</sup>

<sup>214</sup> «Le Proletaire», 24 мая 1871.

<sup>215</sup> Reclus. «La Commune de Paris. Au jour le jour». Paris, 1908; p.262 (9-V).

<sup>216</sup> «La Revolution politique et sociale», 16 мая 1871 (numero specimen).

<sup>217</sup> Бар. М. де Вилье. «Женские клубы и легионы амазонок». Москва 1912; стр.405.

<sup>218</sup> Ibidem, p.406.

Это заседание, организованное странствующим клубом «Избавление», состоялось 12 мая. Оно было подготовлено гражданкой Лодойской, которая довольствовалась титулом заседательницы (*assesseur*), чтобы иметь большую возможность принимать участие в дебатах.

«Здесь находилось, — говорит Фонтулье (*Les Eglises de Paris sous la Commune*), — двести женщин или девушек, большинство которых курило папиросы; мужчин было ничтожное меньшинство... Председательница, лет 25 от роду и довольно красивая, носила широкий красный пояс, за который была заткнута пара пистолетов... Выступило пять ораторш и ни одного оратора. В порядке дня стояло: «Средства к возрождению общества».

После речи Лодойской на кафедру поднялась какая-то женщина: «На наш взгляд, — сказала она, — та социальная язва, которую необходимо уничтожить в первую очередь, это — хозяева, эксплуатирующие рабочего и обогащающиеся его потом. Долой хозяев, которые смотрят на рабочего лишь как на рабочую машину! Пусть работники объединяются, пусть они трудятся сообща, и тогда они будут счастливы.

Другим пороком современного общества являются богачи, которые много пьют и много веселятся, но совершенно не трудятся. Их необходимо искоренить, так же как и попов, и монахинь. Мы будем счастливы только тогда, когда избавимся от хозяев, от богачей и от собственников».

Затем какая-то матрасница с улицы Сен-Лазар пустилась декламировать против глупого обычая посылать детей на уроки катехизиса. Перейдя на другие темы дня, она закончила свою речь следующими словами: «Мы не имеем ни белья, ни матрацов для наших походных госпиталей; наши мужья, защищающие Париж, нуждаются в предметах первой необходимости, в то время как другие купаются в излишествах. Необходимо установить в этом отношении равновесие путем реквизиций... Я знаю дома, где загребают золото лопатой».

Низенькая старушка, известная под кличкой Мать Дюшен, сменила матрасницу. «Все это пустые слова, а нужны дела. У вас есть мужья, так вот наставьте их на правильный путь. Необходимо разить без снисхождения всех тех, кто сопротивляется Коммуне. Необходимо принудить этих господ к повиновению или же расстрелять их... Если завтра казнить сто бунтовщиков и выставить их трупы на бульварах с надписями, указывающими род их преступления, вы увидите, что послезавтра масса народа явится служить Коммуне. Но наши правители хотят рубить лес без того, чтобы летели щепки! Но это невозможно; напротив, щепок должно полететь много. Что значат несколько дурных граждан, когда дело идет об установлении свободы? Необходимо нагнать страху на реакционеров и на версальцев, показав им, что Коммуна умеет карать всех виновных». Эти слова были встречены шумными аплодисментами. Затем Наталия Лемель, которая вместе с Варленом была одной из основательниц *marmites* (народных столовых в Париже), рекомендовала гражданам вооружиться.

«Мы приближаемся к решительному моменту, когда нужно суметь умереть за отечество. Довольно слабости; все в бой, все исполняйте свой долг, необходимо раздавить версальцев» (продолжительные аплодисменты).

Эта гражданка не щадила своей собственной жизни: захваченная 23 мая за баррикадою на площади Пигаль, она была приговорена к ссылке на поселение.

Первое собрание Клуба Гражданок Пасси состоялось в воскресенье, 23 апреля, в 8 часов вечера, в мэрии округа. На этом заседании присутствовало 150 женщин, и не было допущено ни одного мужчины. Пять делегатов Центрального Общества в черно-красных туалетах заняли место в бюро.

«Нашей целью, — сказала одна из них, — является основание общества гражданок под названием Общества Соревнования, на пользу славной Парижской Коммуны. Делегатки Коммуны уже открыли отделения общества во всем Париже, за исключением Пасси, которое они оставили напоследок... Коммуну мы теперь имеем и никогда от нее не откажемся. Женщина, до сих пор зарабатывавшая только 1 1/2 франка, впредь будет зарабатывать три. Враг наш, буржуа, будет уничтожен. Не будет больше ни попов, ни буржуа.



Кто жиреет от народного пота? Буржуа. Кто строит пышные хоромы в то время, как народ ютится в жалких мансардах? Кто отказывается драться в то время, как Версаль избивает народ? Опять-таки буржуа. Нет, нет, не нужно ни буржуа, ни попов; пусть церкви превратятся в мастерские, а буржуа и попы трудятся вместе с нами своими собственными руками. Нет, не нужно ни монахинь, ни монахов: это бездельники; они толкуют о боге и о небе, но разве они когда-нибудь его видели? Я его не видала.

Если бы вы, подобно мне, видели всех мертвецов, всю кровь в походных госпиталях, в сражениях, то вы, подобно мне, захотели бы двинуться в бой во главе мужчин. Необходимо истребить всех жандармов и всех городских до последнего человека».

Клуб женщин - патриоток для защиты Парижа редко устраивал больше одного заседания в одном и том же месте, и каждый вечер его ораторши отправлялись просвещать новый квартал.

26 апреля патриотические коммунарки собрались в церкви Сен-Ламбер на Вожираре; на этом заседании председательствовала одна немка, по фамилии Рейденрет; она в это время носилась с идеей организации батальона Карабинеров Смерти, и явилась на собрание в костюме зуава: «Ее длинные волосы ниспадали на плечи жгутами, перевитыми красными лентами. Ее лакированные сапоги оставляли открытою верхнюю часть ее ног. У ее пояса висели два револьвера». Портниха Юлия Бурьо и маркитантка 104 батальона Анна Лавинь дополняли состав бюро. Порядок дня гласил: «О пагубном влиянии религий; средства к их уничтожению». Собрание вотировало отмену всех культов и встретило аплодисментами гражданку, которая заявила, что «укокошит свою дочку, если увидит, что она ходит в церковь».

Непримиримой ненавистью к католическому духовенству дышало большинство речей, раздававшихся в женских клубах. 15 мая в клубе Амвросия одна ораторша потребовала, чтобы на другой же день были расстреляны все духовные лица. 19-го в церкви св.Элуа гражданка Морель настаивала на необходимости «раз навсегда побросать в Сену всех монашенок, которые в больницах отравляют раненых федератов». 20-го мая в церкви Николая - на - Полях одна женщина предложила заменить на баррикадах мешки с землей «трусами 60.000 попов и 70.000 монахинь, которыми кишел Париж!» 18 мая в церкви св.Маргариты Аделаида Валентен требовала полного истребления попов, живущих в квартале. В церкви св. Михаила женщина Лефевр предложила запереть всех попов в Собор Парижской Богоматери, а затем взорвать его.

В майские кровавые дни эта женщина была убита на баррикаде. Такая же участь постигла Целестину Клеро, Клементину Сюже, которая 25 апреля в клубе Нотр-Дам-дела-Круа предложила пойти убить Тьера, также Марию Гиар, одну из участниц убийства заложников, и Аделаиду Валентен, которая подписала манифест Ц.К-та женского союза и убила своего возлюбленного за то, что тот отказался защищать баррикаду. Схваченные с оружием в руках, все они были расстреляны на месте.<sup>219</sup>

Специфически женские темы затрагивались, в общем, довольно редко, поскольку мы можем судить об этом на основании имеющихся у нас данных. 7 мая в женском клубе церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа «несколько импровизированных ораторш развивали с высоты кафедры не малое число предложений, клонящихся к освобождению слабого пола от тирании сильного». «Открытым голосованием принимается резолюция в пользу развода, и мы должны признаться, что аргументы, приведенные в защиту последнего гражданкой Рондье, развитые ею с истинным красноречием, показали нам просто неотразимыми» — писала газета «La Sociale».<sup>220</sup>

Парижский корреспондент газеты английской правящей буржуазии «Times» поместил в номере от 4 мая интересную статью, в которой описывал, как очевидец, заседание одного из женских клубов: «Вначале никто не обратил на нас внимания, так все были увлечены речью красивой молодой женщины с длинными черными волосами и пламенными глазами, которая ораторствовала о правах женщины.

<sup>219</sup> Бар. М. де Вилье, *op.c.*, стр.403—413.

<sup>220</sup> «La Sociale», 9 мая 1871.

«Мужчины — трусы! — кричала она, — они называют себя венцом творения, а на деле — только куча глупцов. Они жалуются, что их заставляют сражаться, и не перестают хныкать о своих несчастиях; пусть они убираются отсюда к версальским трусам, и мы одни будем защищать город. У нас есть керосин, у нас есть топоры и крепкие сердца, и мы сумеем переносить усталость не хуже их. Мы будем защищать баррикады и покажем мужчинам, что не хотим больше быть у них в подчинении. Те же из них, которые еще расположены сражаться, смогут сражаться рядом с нами. Женщины Парижа, вперед!»

— «Мы — простые женщины, — говорила другая, — но сделаны не из другого теста, чем наши предки 93 года. Не допустим, чтобы их тени краснели за нас, но воспрянем и будем действовать так, как действовали бы они сами, будь они еще в живых. Нас ждут высокие обязанности. Если нужно будет, мы будем бороться, соперничая в мужестве с лучшими из них и защищая баррикады. Но я не думаю, что от нас потребуют такой жертвы. Мы отправимся на поле сражений и будем подбирать наших раненых героев; этим путем мы спасем от гибели множество жизней» которые иначе были бы понапрасну принесены в жертву. Мы устроим походные кухни и будем варить мясо, выдаваемое нашим солдатам, которое они теперь просто бросают, не имея возможности съесть его в вареном виде».

Другая ораторша, жестами и мимикой, пародировала священника, совершающего мессу. Она делала это так удачно, что вызвала дружный смех и шумные аплодисменты аудитории.

Следующая за нею ораторша, при напряженном внимании всего зала, с увлечением рассказывала о подвигах Жанны Ашетт, воскрешая образ героической амазонки великой революции.<sup>221</sup>

«Femme, releve-toi!..

Cesse, enfin, d'etre esclave;

Du inal originel brise l'inique entrave

Et sors de ton neant!

Pour tous les opprimes un jour nouveau commence:

Jour de paix et d'amour qui, radieux, s'elance

Des ombres du present!..»

(Женщина, воспрянь!.. Перестань, наконец, быть рабой, разбей оковы первородного греха и выйди из своего ничтожества! Для всех угнетенных занимается новая заря, заря мира и любви, которая скоро воссияет над мраком сегодняшнего дня!..)

Так взывал «к женщине» безвестный народный поэт Пикар на страницах газеты «Пролетарий».<sup>222</sup>

Звали ее к борьбе и бесчисленные прокламации и манифейИ, появлявшиеся во всех газетах.<sup>223</sup>

И женщины, действительно, восстали. Уже 8 апреля можно было читать в газете «Крик Народа»: «Маркитантка 66 батальона, гражданка Лашез, — смелая и бесстрашная женщина. Она заслужила признательность Парижа, и мы счастливы объявить ей об этом. Эта храбрая дочь народа три дня подряд неустанно сражается на шатильонской равнине, успевая в то же бреда подавать первую помощь тем, которые падают, сраженные пулям» версальских жандармов. Она одновременно и солдат, и хирург. Храбрая женщина! Кровь львицы течет в ее жилах».<sup>224</sup>

Группа национальных гвардейцев 66 батальона в письме на имя Коммуны отмечала героизм и преданность своей маркитантки — «республиканки, каких мало». Под письмом стояло 75 подписей.<sup>225</sup>

© А.И.Молок

ОЧЕРКИ БЫТА и КУЛЬТУРЫ

ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

Vive Liberta

<sup>221</sup> «L'Etoile», 10 мая 1871.

<sup>222</sup> «Le Proletaire», 15 мая 1871.

<sup>223</sup> «Paris Libre», 3 мая 1871; 14 мая 1871; «La Sociale», 12 апреля, и мн.др.

<sup>224</sup> «Le Cri du Pouple», 8 апреля 1871; 11 апреля 1871.

<sup>225</sup> «Journal des journaux de la Commune». Paris, 1872; I, 316—317.

Реклю сообщает: «ежедневно повторяются теперь факты, подобные приводимым газетою «Право» (Le Droit). Несколько женщин было убито и ранено в деле при Нейи. Вот маркитантка: раненая в голову, она дала перевязать свою рану и возвратилась на свое место, В рядах 61 батальона сражалась энергичная женщина, она убила нескольких жандармов и городских на шатильонском плато. Маркитантка, задержавшаяся с группой национальных гвардейцев, заряжала свое ружье, стреляла, разряжала его без перерыва; она удалилась почти последней, оборачиваясь каждую минуту, чтобы сделать выстрел».<sup>226</sup>

Другая газета отмечала «среди самых неустрашимых героинь» гражданку Эд, жену одного из генералов Коммуны, а также «героическое поведение» гражданки Луизы Мишель и г-жи де Рошбрюн, «вдовы прославленного борца за независимость Польши». «Обе дамы под градом вражеских пуль подбирают раненых, а иногда и сами стреляют».<sup>227</sup>

Некоторые женщины упоминались в приказах по полку, как, например, гражданка Сэнтос, жена капитана 1 батальона «Мстителей Парижа», или гражданка Желен, маркитантка 3 роты 219 батальона. Отмечая мужество, проявленное последней, офицеры и гвардейцы батальона писали: «Говорят, что империя испортила наших женщин. Если это так, то Коммуна их возрождает, и мы можем гордиться этим».<sup>228</sup>

«Вчера (читаем в газете «Пер-Дюшен»), проходя через площадь Согласия, Пер-Дюшен встретил длинную колонну гражданок, которые тоже шли в бой, чтобы иметь свою долю в нашей победе. Это напомнило ему нашу великую Революцию, их предков, женщин 92 года, шедших в Версаль с барабанным боем; при этом воспоминании Пер-Дюшен испытал огромное удовлетворение!

Он благодарит храбрых гражданок, которые идут навстречу смерти, чтобы поддержать мужество патриотов, которые могут, в разгар боя, вдруг пасть духом при мысли о них! Среди них вчера были убитые!

Павшие на поле чести смертью храбрых, они умерли, не сводя глаз с красного знамени; их последний вздох и последняя мысль принадлежали Республике!

Да здравствует Коммуна! женщины Революции не сдаются!

Да, господа версальцы, найдите-ка у себя таких!

Это дано только патриотам, — умирая от пуль ваших жандармов и сыщиков, получить прощальную улыбку и поцелуй, который закроет вам веки!».<sup>229</sup>

«Если война будет длиться, — писал Реклю, — у нас, без сомнения, будут целые женские батальоны, даже молодые девушки все пойдут на войну, как этого требует уже госпожа Андре Лео. Наши поэты, романисты, моралисты и драматурги, которые знали только кокоток с бульваров, графинь, маркиз, откроют может быть ныне, что из рядов народа выходит новое поколение женщин, которые не были воспитаны на коленях у церкви. Они хотят быть свободными и ныне уже ими стали. С ними мужчинам придется соперничать не только в расточительности и легкомыслии, но и в постоянстве, в энергии, труде и честности. Найдутся такие, которым это покажется в тягость».<sup>230</sup>

«Сегодня утром через Париж прошел полк гражданок под командой седого офицера, с оркестром музыки впереди. Добрый путь вам, гражданки!» — читаем в газете «Крик Народа».<sup>231</sup>

14 мая начальник 12 легиона, полковник Жюль Монтель издал следующий приказ - обращение к национальным гвардейцам своего легиона:

«Граждане! Вам показан достойный подражания пример: гражданки, героические женщины, проникнутые сознанием святости нашего дела, потребовали у Комитета Общественного Спасения оружия, чтобы защищать, подобно нам, Коммуну и Республику.

<sup>226</sup> Reclus, op.c., p.304.

<sup>227</sup> «Le Vengeur», 12 апреля, 1871.

<sup>228</sup> «Le Cri du Peuple», 25 апреля 1871; 13 мая 1871.

<sup>229</sup> «Le Pere Duchene», 16 жерминаля 79 года (5 апреля 1871).

<sup>230</sup> Reclus, op.c., стр.305—306.

<sup>231</sup> «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871.

Эти благородные чувства поднимут, я надеюсь, мужестве в сердцах иных мужчин.

Полковник, командующий 12 легионом, счастливый и гордый тем, что может отметить подобную преданность, принял нижеследующее решение:

Немедленно организуется и вооружается 1-я рота гражданок-добровольцев.

Эти гражданки пойдут на фронт вместе со всем легионом. Чтобы подстрекнуть самолюбие нескольких трусов, полковник приказывает:

1) все дезертиры будут обезоруживаться публично, перед фронтом своего батальона, гражданками-добровольцами;

2) эти люди, недостойные того, чтобы служить Республике, будут отведены в тюрьму гражданками, которые их обезоружат.

Первая экзекуция такого рода будет иметь место в ближайшие дни, на проспекте Домениля.

«Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!»<sup>232</sup>

Женский Комитет улицы Арраса, который основал в Париже 160 участковых комитетов, гордился тем, что ему «удалось наwerben в женский легион триста охотниц, готовых с оружием в руках служить на валах».<sup>233</sup>

В то время как одни коммунарки сражаются на фронте, проливая свою кровь за торжество Коммуны и социальной революции, другие, — скромные, незаметные труженицы, — исполняют свой долг в тылу.

«Гражданин редактор, — пишет в газету «Le Vengeur» учительница по фамилии Вердюр, — я только что прочитала в вашей уважаемой газете, от воскресенья 14 мая, что юре из Рэнси (департамент Сены и Уазы) обозвал «публичными девками» женщин, которые заменили монахинь в уходе за детьми. Я отвечу этому негодю, что я никогда еще не испытывала такого удовлетворения, как теперь, когда я занимаюсь с детьми честных граждан, борющихся за Республику, которая, надеюсь, навсегда уничтожит всех тех, которые, подобно ему, угнетают нас. Привет и братство».<sup>234</sup>

Наступают последние, кровавые дни Коммуны. По свидетельству всех, даже реакционных историков и публицистов, в эти страшные дни парижские работницы проявили необычайное мужество.

«Войска истощены, изнурены, последние бойцы пали, — пишет буржуазный историк Ганото, — женщины и дети стоят на баррикадах и стреляют. Странная энергия двигает их хрупким мужеством, — они еще сражаются, когда мужчины покидают баррикады».<sup>235</sup>

Франциск Сарсэ, злобный реакционер, непримиримый ненавистник Коммуны, писал в газете «Oulois» от 13 июля: «Все женщины, которых казнили раздраженные солдаты, умерли с проклятиями на устах, с презрительной усмешкой, как мученицы, которые, принося себя в жертву, выполняют этим высший долг».<sup>236</sup>

«На площади Бланш батальон женщин, под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая) сражавшийся в Батиньоле, проявил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня».<sup>237</sup>

По словам Луизы Мишель, «в майские дни более десяти тысяч женщин, поодиночке или группами, сражались в Париже за свободу».<sup>238</sup>

Таковы были женщины Коммуны, — эти, по выражению Маркса, «истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности».<sup>239</sup>

<sup>232</sup> «Le Cri du Peuple», 16 мая 1871.

<sup>233</sup> Бар. М. де Вилье, *op.c.*, стр.418.

<sup>234</sup> «Le Vengeur», 17 мая 1871.

<sup>235</sup> G.Hanotaux. «Histoire de la France contemporaine». Paris, 1904; I, 205.

<sup>236</sup> Луи Дюбрейль. «Коммуна 1871 года». (Пер. Н.Тютчева.) Петроград 1820; стр.247.

<sup>237</sup> Луи Дюбрейль, *op.c.*, стр.223—224.

<sup>238</sup> L.Michel. «La Commune». Paris, 1898; p.266.

<sup>239</sup> К.Маркс. «Гражданская война во Франции в 1870—1871 году».